

ПОЛОВЕЦКАЯ ЗНАТЬ НА ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ¹

© М.В. Горелик

Россия, Москва, Институт востоковедения РАН

Прежде чем углубиться в материал, необходимо оговорить специфику и этногеографические границы данной темы. Мы будем рассматривать свидетельства военной службы у правителей правого крыла Улуса Джучи (т. е. на территориях западнее р. Яик – Урала) знати именно половцев (куманов, кунов, сары) – группы племен, кочевавших на этой же территории до монгольского завоевания. Тему оговариваем для того, чтобы не смешивать и не путать половцев и их аристократию с кыпчаками и их аристократией, занимавшими степные пространства к востоку от указанного водного рубежа. Как показали последние исследования (Кляшторный, Султанов, 2009. С. 157-159, 254), половцы и кыпчаки вовсе не одно и то же: их племенной состав совпадал лишь частично, а знаменитая фраза из ал-Омари о том, как кыпчаки южнорусских степей ассимилировали монгольских завоевателей, является изысканным комплиментом египтянина, никогда не бывавшего в землях Улуса Джучи, и для которого, как и для каждого образованного араба и перса, никаких куманов, кунов и сары не существовало – все были кыпчаками (как все тюркоязычные и даже монгольязычные народы для арабско-персидских мусульманских ученых все были тюрками, хотя так назывался только один из многих тюркоязычных народов). Кстати, столь же неверна эта мысль и в рамках гипотезы о полной тюркизации монгольских завоевателей на всей территории Дашт-и Кипчак. Ведь именно на территориях к западу от Яика старая половецкая племенная номенклатура, видимо, уже в XIV в. полностью исчезла и была заменена в абсолютном большинстве монгольской. И лишь не ранее конца XIV в. начинают появляться очень немногие тюркоязычные новообразования.

Я полагаю, что европейские степи населяли – с запада на восток – племенные группы куман, кун и сары. Все этнонимы означа-

ют «желтые», только «куман-кубан» значит густо-желтый (рус. *кубовый*), «кун» (*хыновя* «Слова о полку Игореве») – бледно-желтый с серо-голубым оттенком, а сары – беловато-желтый, цвета выгоревшей травы, соломы (отсюда точный другой рус. пер. – *половый*, откуда *половцы*). Что же касается собственно кыпчаков, то они, полагаю, попали в Восточную Европу впервые с войсками Бату, а позднее прибывали в составе воинских соединений ханов левого, азиатского, крыла Улуса Джучи, приходивших с востока и занимавших Сарайский трон. И на новом месте, вероятно, по какой-то местной чингизидской традиции, они оставляли старые племенные названия, сохранив старое общее этническое прозвание *кипчак* – но уже только в качестве родоплеменного, т. е. на уровень ниже.

В третьей четверти XX в. советская наука о средневековых кочевниках Восточной Европы пришла к выводу, что в результате монгольского нашествия половецкая знать в южнорусских степях довольно быстро исчезла, т. е. была частью выбита, частью укочевала на запад. Нимало не отрицая этих, известных по письменным источникам, трагических фактов стоит особое внимание обратить на то, действительно ли все представители половецкой знати исчезли как таковые с образованием империи Чингизидов на территории Улуса Джучи. Ведь достаточно внушительный ряд археологических памятников свидетельствует о том, что отдельные представители высшей, а особенно средней и низшей аристократии, оставшись на территории южнорусских степей или вернувшись туда из временной эмиграции на запад, оказались на монгольской военной службе.

Для определения памятников половецкой знати джучидского времени мы имеем неоспоримые признаки, присущие, с одной стороны, погребениям половецкой аристократии, а, с другой, предметы времени Джучидов, характерные для собственно монгольской культуры.

¹ Впервые опубликовано в: Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Алматы, 2010. С. 127-186.

Самыми яркими и богатыми памятниками половцев на сегодняшний день можно считать погребения в урочище Королевино (у села Таганча) в Поросье (Gawrysiak-Leszczynska, 1991) и в Чингульском кургане в Запорожье (Отрощенко, Рассемакин, 1986) с поразительно схожим инвентарем. Начнем с важнейшей детали, маркирующей половецкую аристократию (как мужчин, так и женщин) – гривны. Они изображены на половецких каменных изваяниях, их обнаруживают в богатых погребениях и в виде нашейного украшения, и распрямленными – в виде маленького скипетра-жезла. На усопшем из Таганчи были найдены две гривны с железной основой; у одной железная основа была попеременно обвита золотой узкой лентой (Рис. 1, 1), у другой – обтянута золоченым серебряным листом (Рис. 1, 2). Благодаря железной основе, гривны могли служить дополнительной защитой шеи в бою. Для укладки в могилу вторую гривну – обтянутую золоченым серебром, попытались разогнуть, чтобы превратить в жезл, но сломали. В Чингульском кургане была обнаружена распрямленная золотая гривна (Рис. 1, 3). Дополнительными шейными украшениями были длинная толстая многоволоконная цепь из золотой проволоки с цилиндрическими наконечниками (Чингульский курган, Рис. 1, 4) и своеобразные бармы из двух медных чеканных дисков – в Таганче (Рис. 11, 1-2). Ближайшим аналогом шейной золотой цепи из Чингульского кургана является цепь, случайно найденная в Чернигове и хранящаяся в Золотой сокровищнице Украины (Киев); ее относят к произведениям провинциального византийского мастерства XII–XIII вв. (Золота скарбница України, 1999. № 103.). Бармы из Таганчи мы рассмотрим ниже.

Пока же обратимся к оружию. Оба погребенных были снабжены саблями. Хвостовик сабли из Таганчи (Рис. 2, 2) с двумя отверстиями для крепления щечек ручки (остатки дерева от них сохранились у перекрестия в виде вытянутого узкого ромба с обломанным нижним усом) имеет на одной из сторон бортик по краям. Длинный среднеизогнутый клинок помещен в деревянные ножны, обложенные серебряным листом. Странным образом отсутствуют следы обоймиц для подвески к портупее. Не исключено, что данные ножны были специально сделаны для погребения, ввиду повреждения «родных» ножен. Датирующий признаки сабли – бортик на хвостовике (эта деталь, впрочем, была характерна для хазарских сабель Прикубанья IX–X вв.) –

свидетельствует о золотоордынском времени ее производства. Целый ряд выразительных деталей имеет и сабля из Чингульского кургана (Рис. 2, 1). По форме – узкий вытянутый асимметричный ромб – ее перекрестие надежно датируется золотоордынским временем. В отличие от таганчинского, чингульское перекрестие обтянуто серебром; серебряной является фигурная обойма под перекрестьем с язычком на лезвии. На коротком усе перекрестия имеется двойная выпуклая поперечная линия. Выпуклые поперечные линии на богатых серебряных или только обтянутых серебром железных перекрестиях – это целая традиция, прослеживаемая в золотоордынском оружейном деле с середины XIII в. и в течение XIV в. (Рис. 15) (Горелик, 2009а. С. 158. Рис. 3). Так же, как упомянутые выше обоймы, часто фигурные, сложно вырезные, под перекрестием, с язычком на лезвии. Эти обоймы, имеющие центрально- и восточноазиатское происхождение, впервые попали на юг Восточной Европы еще в хазарское время, с середины XI до второй трети XIII в. Временно исчезли и вновь стали популярны с приходом монголов, возродивших в Восточной Европе традиции Центральной и Восточной Азии (Горелик, 2006). К золотоордынскому периоду относится и нанесение на клинок сабли нескольких параллельных долов. А вот система подвески чингульской сабли в виде крепившихся к деревянным ножнам при помощи обоймиц арочных щитков с закраинами, в которых с изнанки спрятаны кольца для ремней портупее, архаична и типична для IX–XII вв.

В отличие от Чингульского кургана, усопшему из Таганчи был положен скипетр (Рис. 2, 3) в виде булавы с очень длинной рукоятью, с шаровидным яблоком, сидящем в коническом каннелированном переходнике. Весь скипетр сделан из дерева и обтянут серебряным листом. Такая форма булавы – с очень длинной рукоятью – чрезвычайно характерна для территории Монголии и севера Китая еще с эпохи Ляо, т. е. господства монголоязычных номадов киданей, а также у чжурчженей, тангутов и в эпоху Чингизидов на всех территориях их империи (Горелик, 2002. С. 11-12, 20, 49. Рис. 2, 4, 5; С. 55, Рис. 9; С. 56. Рис. 1; С. 67). Для боя же таганчинский витязь имел кистень, от которого сохранилась прекрасно выполненная, отлитая из меди ударная часть. Это оружие стало популярным в Восточной Европе в хазарское время, принесенное хазарами из Центральной Азии. Но популярность кистеня в X–XIII вв. в Восточной Европе – и в

степи, и особенно на Руси столь велика, что в золотоордынскую эпоху просто продолжалась местная традиция.

Удивительно в обоих курганах совпадение декора колчанов и налучей. Накладки, в Чингульском кургане (Рис. 3, 1-2) – из золоченого серебра, а в Таганче (Рис. 3, 3-4) – из обтянутой серебряным листом бронзы, имеют схожую форму и размещены на тех же местах органической основы саадака. Форма элементов декора налучей в принципе совпадает с таковыми в тисненном декоре кожаного джагатайского налуча XIII–XIV вв. из Кыргызстана (Табалдиев, Жолдашов, 2007. Рис. 5, 4) и на иранских миниатюрах XIV в. (да и в этнографических и музейных образцах XVI–XIX вв.). Правда, сама форма предмета здесь жестко диктует декорирование – подтреугольные фигуры по углам и окружность или нечто близкое к ней – в центре. Но сходство накладного декора налучей беспрецедентно. Судя по тем накладкам, что оковывали верх приемника и его крышку, колчаны, имея в виду их округлое веерообразное завершение верха, явно воспроизводили чисто монгольскую традицию. Кстати, сами крышки, закрывающие отверстие приемника, также присущи именно монгольским колчанам, что отражено даже в «Сокровенном сказании» («Секретной истории монголов»). Разница же накладок не только в различии материалов: чингульские сделаны не только из более дорогих материалов, но и качество их изготовления гораздо выше. Кроме того, пластины, декорирующие крышку и нижние углы колчана, и все накладки налуча украшены выпуклыми полушариями, прочеканенными густыми вихревыми розетками. Дополнительным украшением служили круглые головки заклепок, сплошной линией окаймляющие полушария, да и сами накладки по периметру. Эти круглые выпуклости с многолепестковой, чаще всего вихревой розеткой и мелкими кружками по краю окружности – крайне популярный мотив в декоре как металлических, так и костяных изделий – чаще всего уздечных и сбруйных блях, седельных и колчаных накладок, распространенных в южнорусских степях и северокавказских предгорьях. Нередко их связывают с половцами домонгольского времени, но теперь ясно, что этот декоративный элемент появляется именно во второй трети XIII в. и маркирует собой золотоордынскую эпоху XIII–XIV вв.

Кольчуги (Рис. 4) были положены обоим усопшим. Поскольку они не были развернуты, трудно судить с точностью об их покрое,

но можно предполагать, что они имели вид рубах длиной примерно до середины бедер и рукавами примерно до локтя. Сделаны из круглых проволочных колец и узко датирующихся признаков не имеют.

Железные шлемы, найденные в каждом из погребений, выразительны и надежно датируются. Шлем из Чингульского кургана (Рис. 5, 1), с наголовьем, целиком покрытый толстым слоем позолоты, относится к хорошо известному типу – с полушаровидной тульей, увенчанной низким коническим навершием с петелькой, в которую вставлено кольцо, с защитой лица в виде кованого объемного, анатомически точного, хотя и стилизованного наносника, с такими же коваными объемными «бровями» и «веками». Различаются они наличием или отсутствием, как у чингульского шлема, подглазной части, превращавшей защиту лица в полумаску. Шлемы имели глухую кольчужную бармицу, так что в любом из вариантов открытыми оставались только глаза воина. Такие шлемы, известные в нескольких экземплярах, найденных как на Руси, так и – в большем числе – в степных погребениях, по колечку на макушке надежно связываются с монголами: к нему привязывалась лента, двумя концами свисавшая с макушки шлема или развевавшаяся от ветра или скорости конской скачки – «национальное» украшение монгольских шлемов (Горелик, 2002. С. 25-26, 77). Именно шлемы данного типа – как варианты с полумаской, так и без подглазий подробно изображены на тебризских миниатюрах 30-х гг. XIV в. (Горелик, Дорофеев, 1990. С. 124. Рис. 4, 4-5).

Шлем из Таганчи известен более ста лет (Рис. 5, 2), но лишь в 70-е гг. XX в. он был расчищен (Gawrysiak-Leszczynska, 1991. Tab. I-III). Оказалось, что его коническая тулья вертикальными линиями золотой таушировки разделена на четыре сектора, коническое подвершие оформлено в той же технике цепью из крупных колец, а цилиндрический околыш украшен розетками в кольцах и остатками арабских букв, к сожалению, не читаемых из-за утрат. Цилиндроконическая форма шлема в южнорусских степях получала распространение именно в золотоордынский период (Горелик, 1987. Рис. 7, 2; 11, 7, 15; 15; 2003. Рис. 1, 1, 3; 2, 3, 6; 4). Не исключено, что она была заимствована из ближневосточной (Горелик, 2003. С. 193) или византийской оружейной традиции и перенесена далеко на восток империи Чингизидов, где стала одной из основных форм наголовья шлемов Центральной и Восточной Азии вплоть до начала XX в. Монголь-

ским следует считать навершие в виде высокого тонкого шпиля, расплюснутая верхушка которого имела отверстие с остатком кольца для крепления ленты (Горелик, 2002. С. 23). Того же происхождения и налобная наклад-ка с вырезным верхним краем, надбровными выкружками и плоским наносником.

В отличие от чингульского, шлем из Таганчи не имел кольчужной бармицы (не исключено, что у шлема было прикрытие затылка и ушей из органических материалов). Ее заменял кольчужный капюшон (Рис. 5, 3), поддевавшийся под шлем. Боевое наго-ловье этого типа, давно известное в Европе, в результате крестовых походов и образова-нием крестоносных государств в восточном Средиземноморье, Малой Азии и Балканах, в XIII в. распространяется на территории импе-рии Чингизидов. Датировке XIII в. не меша-ет и специфическая и редкая форма колец – плоских (что встречалось еще в хазарское время) с выпуклыми бортиками по краям, неизвестными до этого времени. В целом можно положить, что шлем – это изделие мусульманских (иранских, восточноанатолий-ских или джазирских) мастеров, сделанное по высокому монгольскому заказу. Воин, похороненный в Таганчинском кургане, мог быть награжден им монгольским руководством или захватил его в качестве трофея.

Вместе с погребенным в Чингульском кургане лежали парадные кафтаны из драгоценного византийского шелка. Два из них, лучше сохранившиеся, отделаны с беспре-цедентной роскошью. Первый (Рис. 8), из кармазина (малинового шелка), расшит золотными нитями в византийском стиле: вышивка на груди изображала Спаса Нерукотворного («Плат Вероники»), фланкированного фигу-рами архангелов, так что кафтан кажется, по меткому образному определению реставра-тора кафтанов А. К. Ёлкиной, православным знаменем или хоругвью. Через плечи, попе-рек предплечий и талии, а также на манже-тах вышиты пальметты, соединенные и на побеггах. Вышивка золотной нитью дополне-на вышивкой жемчугом и расшивкой мелки-ми круглыми выпуклыми бляшками из сере-бра. Покрой кафтана – распашной, с прямым вертикальным разрезом слева от оси, с запа-хом слева направо, с круглым воротом, суживающимися книзу рукавами до запястий; ниже талии кафтан отрезной, с пришитым подолом длиной до колен, очень широким. Полотни-ще подола у верхнего края собрано в частую сборку и подшито к верху: линия стыка пере-

крыта несколькими параллельно пришитыми золотными лентами или тесьмами. По право-му борту и подолу – оторочен мехом колонка. Ворот обшит серебряными прямоугольными пластинками с вставками цветных камней, так что получилась полустойка.

Второй кафтан (Рис. 9) имел аналогич-ный покроем и отделку ворота (только вдоль правого борта от горла до пояса располагалась кайма из прямоугольных серебряных золоченых пластинок с вставками из цветных камней), но был сшит из алого шелка. Декор его составляли вставки из шелка, распо-ложенные вертикально вдоль оси груди, вдоль предплечий и на манжетах. Вставки представ-ляют собой полотнище синего шелка, по кото-рому вытканы и вышиты золотными нитями разной фактуры лики ангелов. Они разделены плетеной сеткой, вышитой золотной каните-лью и жемчугом. Линию стыка верха и подо-ла прикрывала неширокая золотная лента. Широкая златотканая лента окаймляла подол снизу. Правый, верхний борт кафтана и подол кафтана были оторочены мехом соболя. Для нас в этом кафтане особенно интересна форма вставок на предплечьях. Она приближается к трапециевидной, хотя правильную трапецию мастер, работавший над кафтаном, сделать не решился: тогда пришлось бы резать драго-ценные лики ангелов, портить ткань. Мастер просто отрезал в верхнем ряду лишние лики, чтобы вставка зрительно выглядела сверху уже, чем внизу. Все эти ухищрения преследо-вали одну цель – сделать эти вставки анало-гичными «национальному» монгольскому элементу декора парадного платья – трапе-циевидным вставкам на предплечьях. И тем самым показать свою сопричастность к монгольской элите.

Зато первый из кафтанов (Рис. 8) по свое-му декору символизировал, напротив, причаст-ность к православной светской элите. Это еще более подчеркивала, найденная в погребении, свернутая в рулон длиной – около 2,5 м и узкая – 12 см, полоса, сшитая из двух полос ткани: с изнанки – узорного византийского шелка, с лица – златотканой парчи с вытканными одно-главыми орлами в двойной шестиугольной раме и «ревами жизни», показанными и само-стоятельно, и с фланкирующими птицами (павлинами). Полагаю, что перед нами исклю-чительно редкая, а для степи и вовсе уникаль-ная находка: эта полоса роскошной ткани – не что иное, как лор, часть парадного одея-ния высших слоев элиты Византии и право-славных государств Балкан, а также Грузии.

Право носить лор имели императоры и цари, а также высшие чины придворной знати – лоратные патрикии. Таким образом, погребенный в Чингульском кургане в какой-то момент своей биографии занимал высокое место при православном дворе, а затем при монгольском владыке. Покрой кафтана со Спасом Нерукотворным и архангелами, с которым носился лор, был присущ костюмам знати в Западной Европе, на Руси и Кавказе, в Болгарии и среди европейских половцев (Горелик, 2010а. С. 64, 66). И лишь в Византии платье такого покроя носили «отверженные» – актеры. Только к XV в., под влиянием половцев и отчасти монголов, освоивших этот покрой и использовавших его для шитья парадного мужского платья, греческая знать восприняла его для своего парадного и воинского костюма. Так что лоратным патрикием Чингульский покойник мог быть, скорее всего, в Болгарии. Хотя не стоит исключать и Византию: важному и полезному варвару можно было позволить носить кафтан с варварским, шутовским покроем, лишь бы декор был надлежащим. Более того, эти половецкие ханы-союзники своей ценностью для православного дела постепенно «реабилитировали» в глазах византийцев и покроем своих кафтанов.

В Чингульском кургане сохранилось окаймление парадного головного убора из уже знакомых нам по кафтанам прямоугольных серебряных пластин с вставками из цветных камней. Сам головной убор с такой каймой мог представлять собой, судя по половецким, византийским, венгерским и итальянским изображениям половцев, невысокую округлую шапочку с круглым или приостренным верхом (Рис. 8), либо кучму – островерхий колпак без полей из смушки или каракуля (Рис. 9).

Для культуры половцев характерен один признак, резко отличающий их от предшествовавших и современных им кочевников Евразии: у них не было поясов с металлическим набором, которые обозначали социальный статус мужа. У таганчинского усопшего пояса с набором нет вообще, тогда как в Чингульском кургане найдено три пояса с металлическим набором – все западноевропейского происхождения. Это узкие ленты, сотканые на дощечках из толстых разноцветных нитей шелка (Рис. 10, 6-7). Тканье таких поясов было узорным, а прочность такой опояски намного превосходит кожаный ремень. Понятно, что подобный шелковый пояс стоил очень дорого, и потому его носила европейская знать XII–XIV вв., затем он был заим-

ствован половецкой знатью, а далее – попал к знати Золотой Орды. Наборы двух поясов отлиты из серебра и великолепно отделаны в роскошном романском стиле (Рис. 10, 1-2, 9). На одном из них – бляшки с гравировкой и чернью, возможно, русской работы (Рис. 10, 3), как и роскошные ножи с костяными рукоятками и серебряными с чернью обоями и навершиями. Эти детали могут свидетельствовать о том, что человек, похороненный в Чингульском кургане, находился при богатом русском княжеском дворе. Серебряный набор третьего пояса был изготовлен в готическом стиле (Рис. 10, 6-8). Он весьма скромен – его украшают только маленькие рельефные розетки на пластине пряжки и на концевой накладке. В Западной Европе они известны с рубежа XII–XIII вв., на Ближнем Востоке среди памятников крестоносцев – с 30-х гг. XIII в., на Балканах и в Венгрии – с середины XIII в., причем в последнем регионе эти пояса найдены в курганных погребениях половецкой военной знати, находившихся на венгерской службе (Рис. 31).

Усопший из кургана в Таганче, при отсутствии пояса с металлическим набором, был снабжен великолепным аграфом (Рис. 11, 3) для застегивания плаща, а поскольку никаких свидетельств о ношении плащей половцами не имеется, надо полагать, что аграф в данном случае застегивал верхнюю одежду, наброшенную на плечи. Он имеет вид прямоугольника из золоченого серебра на деревянной основе, с тремя пуговицами на каждой из коротких сторон. С обеих сторон – покрыт прекрасной чеканкой растительного орнамента, разным на каждой из них. Судя по декору, аграф изготовлен в Византии в XII–XIII вв. Из наших украшений на таганчинском покойнике имелись два медных медальона (Рис. 11, 1-2), на одном из которых было чеканное изображение Христа. Декор второго медальона неясен, в том числе из-за утрат. Возможно медальоны являются остатками медальонных барм – специфически древнерусского украшения высшей знати. Правда, техника, в которой они декорированы – высокая чеканка, характерна не для Руси, а для Византии, Западной и Центральной Европы. Все это указывает на то, что усопший из Таганчи мог быть крещен, носил по русскому княжеско-боярскому обычаю бармы, которые, тем не менее, были не серебряными или золотыми, известными нам из находок на Руси, а медными, причем сборными, т.е. главный медальон с изображением Христа был

приобретен в Европе, а второй – изготовлен половецким мастером.

Наконец, оба усопших были обладателями церковных сосудов, изготовленных из серебра с позолотой, резьбой и чеканкой в XI–XII вв. в Лотарингии (Рис. 12). Несомненно, они были захвачены последними владельцами или их подданными в католических храмах.

Показательно, что в обоих погребениях не было найдено наконечников копий. Этим подчеркивалось, что погребенные не бились во втором «суиме», т.е. на бросались в копейную атаку, а командовали воинами, находясь на высоте в отдалении – т.е. были полководцами.

Итак, перед нами погребения половцев самого высокого ранга, обладавших комплектами ценнейших предметов половецкой, византийской и русской православной, европейской католической и монгольской (либо подражающих монгольской) художественных культур. Оба несомненно сотрудничали с византийцами и (или) болгарам, о чем говорят византийские награды и католические трофеи. Наконец, оба были близки и к древнерусской властной элите.

Раскопавшие и исследовавшие Чингульский курган В.В. Отрощенко и Ю.Я. Рассмакин, очень убедительно предположили, что здесь похоронен один из двух последних известных по летописям половецких ханов – Тигак. Он служил со своим войском византийцам (и, вероятно, болгарам), и, соответственно, сражался с латинянами на Балканах. Позже он служил славнейшему и богатейшему из русских князей – Даниилу Галицкому, но после 1258 г. по требованию монгольского правительства Улуса Джучи был депортирован в нижнеднепровскую степь непосредственно под контроль монголов, где и погиб при неизвестных обстоятельствах от раны в голову.

Второй из известных половецких ханов с подобной же биографией, исчезнувший со страниц истории после 1280 г. – Ульдамур. Имя это не тюркское и в восточных текстах вообще неизвестное. Но в «Собрании летописей» («Джами ат-таварих») Рашида ад-Дина словами Улайтимур и Уладмур передано название русских городов – Владимир. Так что не исключено, что хан Ульдамур был христианином и крещен именно на Руси, так как Владимир был чтим как святой только на Руси. В то же время такие ханы-христиане (дети ханов-героев «Слова о полку Игореве») как Юрий Кончакович, Даниил Кобякович и Роман Кзич (христианское имя крестившегося хана Бастыя не упомянуто в летописном сообщении о его

крещении) с большой долей вероятности могли быть крещены греками в Крыму, где позиции половцев были исключительно сильны. Показательно, что на церковном сосуде из Таганчи нанесена литера В (Рис. 12, 1). Если считать ее кириллической русской «веди», то она может оказаться знаком собственности – первой буквой имени владельца. И этим именем, наряду с иными, может быть имя Владимир. Поэтому не исключено, что в Таганчинском кургане лежал хан Ульдамур, крещенный, но похороненный по языческому обряду своими языческими родичами и нукерами.

Теперь рассмотрим погребения половцев-воинов более низкого ранга.

Первым следует назвать богатый комплекс, раскопанный в погребении 3 кургана 1 у хутора Ажинов, в 70 км от Ростова-на-Дону (Мошкова, Максименко, 1974; Горелик, 2009а). Погребенный был защищен (Рис. 13) стандартной кольчужой, шлемом с кольчужной бармицей, форма тульи которого трудно установима из-за плохой сохранности. Из наступательного вооружения были найдены два плохо сохранившихся наконечника, типично половецкий лук (Рис. 14, 14) и костяная, по-половецки примитивно украшенная полоса-накладка на колчан (Рис. 14, 15), одно-сторонний самшитовый гребень с горбатой спинкой восточноазиатской формы (Рис. 14, 4), монгольский мусат с рукоятью, в ножнах (Рис. 14, 13), золотоордынский оселок (Рис. 14, 2), половецкая рапрямленная гривна из серебра (Рис. 14, 1) и котел (Рис. 14, 18). Самым роскошным оружием был богато украшенный серебром монгольский палаш (или сабля?) (Рис. 15, 1). Достаточно обильные остатки одежды позволили реконструировать костюм погребенного (Рис. 16) (Ёлкина, 2009. Таб. 1). Он состоял из парадного кафтана, точно такого же покроя, что и в Чингуле и Таганче, только более скромного. Мы видим тот же покрой с отрезным присборенным подолом, только запахнутый слева направо – может быть, уже по монгольскому обычаю (хотя разница в направлении запаха, как теперь выясняется, была достаточно относительной), и застегнутый на пуговицу на правой ляжке. Но, благодаря огромной ширине присборенного подола, в кафтане можно было сидеть верхом, не растягивая его. Поверх тонких коротких штанов на ноги были натянуты высокие, чуть ли не до паха, чулки из тонкой кожи. От сапог осталась только правая подошва. Кафтан был сшит из прекрасного узорного шелка, произведенного где-то в Восточном Средиземноморье или

Сицилии в арабских традициях XII–XIII вв. Манжеты и подол окаймлены широкими (на подоле более широкой) златоткаными лентами с изображениями древа жизни.

В Прикубанье, в погребении 2 кургана 1 Дмитриевского могильника 1-82 был раскопан уникальный воинский комплекс (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003. С. 185-187. Рис. 3-4; Горелик, 2008. С. 140-143. Рис. 5, А-Б). О том, что здесь лежал именно знатный половец, говорит не только наличие в погребении распрямленной серебряной гривны – жезла (Рис. 17, 10), но и, пожалуй, в большей степени – «боевого бюстгальтера» в виде крупных выпуклых дисков из золоченой бронзы (Рис. 17, 12-13) – двух на груди кольчуги, одного – между лопаток, соединявшихся и висевших на плечах при помощи не сохранившихся кожаных ремней. Именно эта деталь была, судя по большинству половецких каменных изваяний, этническим и социальным индикатором половецкого мужа-воина, тогда как гривну носили и все знатные половчанки. И вообще гривна, в отличие от «боевого бюстгальтера», была распространена у многих народов, особенно Восточной Европы. Вместе с тем, воин имел и вещи, характерные и для собственно монголов, и для Золотой Орды в целом.

Классически монгольским можно считать цилиндрикоконический шлем (Рис. 17, 2) без кольчужной бармицы, с колечком наверху, в котором даже сохранилась, целиком покрывшись окислами железа, половина ленты, привязанной к кольцу. Центральная-азиатской по происхождению является такая часть доспеха, как створчатые наручи (Рис. 17, 3). А уникальные железные поножи (Рис. 17, 7), состоящие из кованых наголенников, соединенных несколькими рядами кольчужного плетения с полукруглыми прикрытиями верха колена, можно датировать из-за их кольчато-пластинчатой структуры началом XIV в. При том, что все самые ранние образцы этого типа брони обнаружены на территории Золотой Орды в памятниках XIV в. в Южном Приуралье и Прикубанье (Горелик 2002. С. 24, 78, нижн. Рис. 2; 2004а; 2004б. С. 294; 2005. С. 172-173. Рис. 15).

Очень характерен железный умбон щита (Рис. 18, 31) – диск с остатками крестовины из железных полос на внешней его стороне. Обработка краев умбона мелкими зарубками, нанесенными зубилом, является индикатором золотоордынского ремесла. Тип умбона с наложенной крестовиной (умбон крепился к поверхности щита из органического мате-

риала – концентрично сплетенных методом «чий» прутьев – по монгольской традиции, или досок – по традициям остальных народов – при помощи заклепки, проходившей через скрещение железных полос, центр диска и основу щита, а также при помощи железных штырей, проходивших сквозь расплющенные концы перекрестий и основу щита; снаружи штыри расклепывались, а с изнанки сгибались в кольца, к которым крепились рукоять щита из ремешков или шнуров) характерен для кубанского золотоордынского комплекса конца XIII–XIV в., откуда он распространился чуть ли не по всей империи Чингизидов. Данный тип умбона был заимствован из западноевропейской паноплии – прямо здесь же, в северо-восточном Причерноморье–Приазовье у итальянских колонистов во второй половине XIII в. (Горелик, 2004а. С. 193-194; 2004б. С. 294). Комплекс наступательного вооружения составляли сабля (Рис. 17, 9), от которой дошла только полоса клинка с навершием, кавалерийская пика (Рис. 17, 8) с длинным тонким четырехгранным пером, и, разумеется, саадак (Рис. 19). Достаточно высокий ранг покойного в племенной иерархии подчеркивал и котел, найденный в этом погребении (Рис. 17, 11).

К той же самой категории можно отнести воина из погребения 1 кургана 2 из курганной группы у с. Лосево Кавказского района Краснодарского края (рис. 20) (Чхаидзе, Дружинина, 2010). Воин был защищен кольчугой и монгольским шлемом, близким чингульскому – с защитой лица в виде скульптурного наносника и таких же «бровей». Отличия темижбекского шлема составляли: отсутствие позолоты, медная обкладка «бровей» и навершие в виде высокого тонкого шпиля с колечком для привязывания ленты. Рядом с черепом воина лежал половецкий богатырский «боевой бюстгальтер», от которого осталась только пара серебряных накладок (на кожаную основу?), колчан с приемником половецкой формы, но по-монгольски закрытым, имел украшение в виде серебряного диска, схожего с украшением налуча из Чингула. Подобное украшение мы встречаем в кочевнических погребениях Прикубанья XIV в. Сабля по своим параметрам также соответствует длинным клинкам золотоордынских сабель. Серебряная распрямленная гривна-скипетр и котел характеризуют социальный статус погребенного.

К описанным погребениям тесно примыкает комплекс погребения 1 из кургана 2 группы Южный (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003. С. 188-190. Рис. 7-8; Горелик, 2008. С.

143. Рис. 6, А-Б). От вышеописанных комплексов вооружения отличается европейским налетом (Рис. 21). К нему относятся кольчужный капюшон, заменяющий шлем (если только здесь не лежал хауберк – комбинезон из кольчужной рубашки с капюшоном – основной доспех западноевропейских воинов в XI–XIV вв.), и шпоры, явно европейские и совершенно не характерные для степняков Евразии. Серебряная распрямленная гривна и котел (Рис. 22, 15, 21) позволяют предполагать социальную принадлежность погребенного здесь половца примерно к той же страте, что и двоих предыдущих, может к нижнему уровню данной страты – имея в виду отсутствие у него «боевого бюстгальтера».

Рассмотрев вышеописанные погребения, необходимо подчеркнуть полное отсутствие в них особо ценных вещей, за исключением гривны-железа, из драгоценных металлов. Их парадная одежда хотя и шилась из дорогих златотканых, шелковых тканей, но количество и ценность этих одежд не шли в сравнение с гардеробом хана из Чингульского кургана. Их социальный статус можно предположительно определить как главу крупного клана, выставившего не менее сотни и до тысячи бойцов.

К другому социальному слою следует отнести воина, найденного в погребении 5 кургана 1 («Приверха могила») у с. Таборовка на Нижнем Днестре (Рис. 23) (Горелик, Дорофеев, 1990). В погребении отсутствовал котел – при наличии серебряной распрямленной гривны-железа (Рис. 24, 3). Зато его комплект вооружения ничуть не уступал ханскому. Шлем воина (Рис. 24, 1) с толстой позолотой практически аналогичен шлему из Чингула. Интересно, что наряду с набором таких чисто монгольских признаков, как форма тульи, тип навершия и скульптурный наносник с надбровьями, на таборовском шлеме мы наблюдаем и чисто монгольскую структуру – коронообразный венец и четырехчастную тулью, имитированную путем гравировки; подлинная же структура шлема совсем иная. Уникальной находкой в этом погребении был большой круглый щит, сделанный из тонких досок. К сожалению, датировке он не способствует, так как точно такой же щит, датированный VIII–IX вв. был раскопан в древнетюркском погребении могильника Аймырлыг–III в Туве. Сабля (Рис. 25, 1) с перекрестием, с расплюснутыми и приопущенными вниз концами, характерными для золотоордынской эпохи, и мощный наконечник копья с граненой втулкой (Рис. 25, 19), а также железные

детали колчана (Рис. 25, 7) надежно датируют комплекс золотоордынским временем, не ранее рубежа XIII–XIV вв. К этому же времени стоит отнести европейского типа жесткие удила (Рис. 25, 2).

Если таборовский половец был самым богатым «на железо», но бедным «на серебро», то воин, погребенный у г. Юрьева Польского, близ резиденции великих князей Владимирских, был, напротив, весьма состоятелен. Это богатое погребение было раскопано еще в начале XIX в. и лишь предварительно, чисто описательно, хотя и подробно, опубликовано А. А. Спицыным (1905). О богатстве погребенного здесь воина говорят золотое колечко серьги (как у хана из Чингула) в правом ухе и браслет из золотого прутка, сечением около 5 мм (Рис. 26, 9). Положение в обществе захороненного в нем воина характеризует роскошный «боевой бюстгальтер» (Рис. 26, 1, 18). Он был положен упошему на ноги так, что до последнего времени считался деталью обуви (выпуклые диски – наколенниками, мелкие бляшки – расшивкой сапог). Ныне же, после недавних находок «боевых бюстгальтеров», в том числе *in situ*, ясно, чем на самом деле является находка из Юрьева Польского. Пара массивных серебряных, чуть выпуклых дисков диаметром 10 см, с горизонтальными рантами шириной около 1 см, была укреплена на ремнях, сплошь убранных 50 мелкими бляшками, составляли самый богатый из найденных «боевых бюстгальтеров». Бляшками же был украшен и саадак. Из наступательного оружия присутствовали только лук со стрелами и длинная сабля. Зато ножны сабли были по всей длине украшены серебром, но не сплошной обтяжкой, а 17-ю поперечными обоймами. Оборонительное вооружение ограничивалось кольчужой с рукавами до локтей и подолом почти до колен. Шлема нет, но, похоже, он мог быть, как и отсутствующее в погребении копье, утерян в бою (см. ниже). К сожалению, остатки короткого, до колен кафтана (такая его длина свидетельствует, что кафтан был половецкого типа) не были сохранены раскопщиками, и мы не можем судить о ценности ткани. Зато о нарядности и богатстве костюма свидетельствует уникальный для половцев пояс – с бронзовыми золочеными бляшками, не монгольского или европейского производства. Очень богато убранство коня, части которого (чучело?) были похоронены с воином. Оно состояло из седла, чьи луки были окаймлены серебряными кантами шириной около 15 мм, с вычеканенным побегом

с листьями – в византийском стиле, а концы полок – кантами шириной 10 мм, украшенными линиями выпуклых точек. Тебеньки седла были отделаны тканью, расшитой серебряными чешуйками. Узда состояла из ремней, соединенных сложносоставными тройниками, кольцами и обшитых бляшками. Столь же богата была и сбруя. Материал наременных металлических украшений – золоченая бронза и медь, серебро. По форме металлическую наременную фурнитуру узды и сбруи можно отнести к кыргызской культуре XIII–XIV вв., а в целом формы седла и конструкция сбруи определенно указывают на монгольский тип. Особенностью данного погребения является наличие в нем остатков деревянного грифа струнного музыкального инструмента – вероятнее всего, типа кобыза (Рис. 26, 17). Это – не единственная находка такого рода в половецких погребениях (Evdokimov, 1991. S. 281-281. Abb. 2-3). Видимо, этот воин был еще и певцом-сказителем или (и) баксы, притом хорошим, так как его богатство может быть связано с успешными выступлениями или (и) излечениями. Факт же его захоронения у Юрьева Польского можно связать с тем, что он был в составе карательного войска Неврюя, направленного в 1252 г. правителем Улуса Джучи Бату – скорее всего, по наущению великого князя Киевского Александра Ярославича (Невского) – против великого князя Владимирского Андрея Ярославича (родного брата Александра), и погиб в знаменитой битве у Юрьева Польского, когда золотоордынское войско неожиданно напало на только успевшие исполниться дружины братьев Андрея Ярославича Владимирского и Ярослава Ярославича Тверского. Небольшие дружины под командованием воеводы Жидослава были разгромлены Неврюевой ратью, князья ускакали, воевода погиб на поле боя. Но погиб и славный половецкий батыр-жырау (Рис. 27), потеряв в бою шлем и копье. Его не повезли в родные степи – видимо, он не был столь знатен, и к тому же не был монголом.

К этому же социальному слою можно отнести двух воинов, чьи погребения были раскопаны в кургане 3 (погребение 1) могильника Маяки II на нижнем Дону (Рис. 27-28) (Парусимов, 2007. С. 314-315. Рис. 4-5) и в кургане 4 (погребение 3) могильника Старонижнестеблиевский-I в восточном Приазовье (Рис. 30) (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011. С. 83-84. Рис. 34-35). Оба воина облачены в кольчуги, у обоих серийные золотоордынские шлемы с бронзовыми завершениями и надбровными вырезами, но

без наносников и кольчужных бармиц (Рис. 29, А-4). Оба снабжены саадаками и золотоордынскими саблями с очень длинными клинками. У маяцкого воина была типичная половецкая плеть XII–XIV вв. с роговым навершием бочонковидной формы с «клювом» (Рис. 29, Б-2). Разнятся у воинов и знаки отличия: серебряная полураспрямленная гривна у маяцкого (Рис. 29, Б-6) и «боевой бюстгальтер», состоявший из двух бронзовых посеребренных дисков – у Старонижнестеблиевского (Рис. 30).

Можно предположить, что по своему социальному положению вышеописанные воины могли быть знатными, хотя и небогатыми дружинниками, либо батырами – удачливыми и уважаемыми предводителями небольших групп опытных воинов. В мирное время они кормились при богатых ставках высокой знати, либо за счет собственных «частных» набегов, в военное время становились военачальниками ханских дружин, либо самостоятельными предводителями, вокруг которых собирались значительные воинские контингента.

Какое же место занимали знатные половеццы – ханы, предводители кланов, знатные дружинники и батыры – в золотоордынской военно-политической, военно-административной системе? И каково было их значение для культуры Монгольской чингизидской империи?

Касаясь первого вопроса необходимо отметить, что, несмотря на знатность, богатство, очень высокий уровень и качество вооруженности, и в могилах половецких ханов, и в погребениях их менее знатных соплеменников, живших в Золотой Орде, пока совсем не найдено монгольских парадных поясов, столь хорошо известным по погребениям как монголов, так и заведомых «инородцев». Это можно было бы объяснить отсутствием у половецкой общины носить статусные пояса с металлическим набором, но мы уже видели европейские парадные пояса с богатым набором из серебра в Чингульском кургане. А если мы посмотрим на половецкую военную знать на венгерской службе (Рис. 31) (Горелик, 2009а. С. 68), то увидим в их погребениях роскошные ...рыцарские, европейские пояса (Palozni Horvath, 1989. Fig. 19; 20; 34; 35; Kalmar, 1971. P. 71, 123 кер.; P. 255, 1 кер). Значит, у половецкой аристократии не было какого-то особого неприятия парадных поясов, которыми их награждали владыки-иноземцы. Следовательно, монгольские сюзерены не награждали своих подданных – половецких аристокра-

тов, парадными монгольскими поясами (как и наградными пиршественными ковшами из золота и серебра с ручками в виде протомы дракона), как, например, их коллег по военной службе – черкесских аристократов. А значит, половецкая военная знать находилась на каком-то особом положении. Интересно, что мусульманские авторы, описывая военные силы Улуса Джучи, в большинстве случаев начинают перечисление инородческих соединений с черкесов, за тем следуют русские, далее, ясы, а в конце – кипчаки. Правда, непонятно, что они понимали под кипчаками – половцев или собственно кипчаков, какой этникон для них покрывал и кипчаков, и половцев. Похоже, что половцев после их бешеного и упорнейшего сопротивления монголам Чингизиды невзлюбили: оставшимся и вернувшимся с запада ханам, биям и ба тырам с их людьми разрешили кочевать и воевать за часть добычи, но никаких знаковых наград половецкие аристократы отныне не заслуживали. Политика сарайских ханов – ханов правого крыла Улуса Джучи, располагавшегося к западу от Яика, явно была направлена на полную ассимиляцию половцев монголами или, в значительно меньшей степени, кипчаками. Это видно по результату: ближе к рубежу XIV–XV вв. здесь полностью исчезает половецкая и вообще старая тюркская этническая номенклатура. От старой остается надплеменной этникон «кипчак», явно связанный с массаами приведенных с востока кипчаков, но без их собственных племенных этниконов. Немногие тюркские этниконы являются явными новообразованиями. Зато полностью господствуют монгольские племенные названия – и у ногайцев, и у крымцев, и даже у липков (литовских татар – татар Речи Посполитой). А вот восточнее Яика мы находим смесь монгольских и тюркских – старых и новых племенных названий, причем они оказались крайне стойкими и дожили до наших дней. К середине XIV в. процесс монголизации, выразившийся в смене костюма, прически, основного набора вооружения и бытового комплекса, и, главное, судя по этнической номенклатуре, этнической самоидентификации, самосознания, можно считать состоявшимся. Ведь даже литературный язык Золотой Орды – «поволжский тюрки», был ученым языком, имевшим отнюдь не половецкие, а восточные – ферганские, уйгурские истоки. Как блестяще показал В.П. Костюков, расхожая фраза из ал-Омари, насчет того, «земля взяла свое и монголы стали как кипчаки» (на чем, собственно, и базировалась вся теория о растворении монголов в кипчаках),

являлась для ал-Омари, временно отставленного писмоводителя мамлюкских султанов, никогда в Улусе Джучи не бывавшего, просто констатацией ассортимента каирского рынка рабов, где юные кипчаки (половцы) как продавались до монголов, так продолжали поступать на этот рынок и при монголах (Костюков, 2006. С. 202). Сами же бывшие половцы, в том числе и проданные в мамелюки, судя по их вполне «золотоордынским» именам и «отчествам», под которыми они подвизались в Египте и Сирии (Mayer, 1999. Р. 48, 49, 62-80, 83-86, 91, 94-99), считали себя уже не кайо-па, бурчоглу или тертоба, а найманами, мангытами, керейтами, джалаирами, кунгратами и т.д. Они говорили по-тюркски, но ощущали себя монголами. Недаром Иоганн Шильтбергер, баварский участник несчастной для Европы Никопольской битвы и не менее несчастной для османов битве при Анкаре, долго проживший – в начале XV в. – на территории Золотой Орды, которую он звал Красной (Червонной т.е. Золотой), писал в своих воспоминаниях, что основное население Орды зовется монголами (Шильтбергер, 1984.С. 45). Почерпнуть это баварский пленник, не читавший ни ученых трудов Плано Карпини и Рубрука, ни книги Марко Поло, мог только из окружавшей его ордынской действительности. И в этой действительности основная масса кочевников и значительная часть горожан считала и называла себя монголами, какие бы корни у них не были – половецкие, кипчакские и иные тюркские, а тем более собственно монгольские. Что же касается немногих оставшихся в Улусе Джучи половецких ханов, то они, надо полагать, к XIV в. сошли с исторической сцены. Зато беки и батыры еще помнили свое происхождение и гордились им, унося в иной мир свои гривны и «боевые бюстгальтеры». Можно даже предположить, что на рубеже XIII–XIV вв. половцы пережили всплеск этнического самосознания и нечто вроде ренессанса своей культуры, оказав серьезное влияние на различные аспекты материальной культуры как западного крыла Улуса Джучи, так и всей империи Чингизидов.

Прежде всего, это коснулось комплекса вооружения. Позаимствовав у монголов формы шлемов, клинкового оружия, стрел, копий, боевых топоров и булав, они – вместе с черкесами и русскими – приучили монголов к кольчуге, доспеху не самому надежному, но, безусловно, самому удобному. И хотя азиатские монголы остались верны ламеллярным и пластинчато-нашивным панцирям, монголы

Золотой Орды изобрели гениальный паллиатив – кольчужно-пластинчатую броню, завоевавшую почти весь мусульманский Восток и Восточную Европу. А на Кавказе образ половецкого воина с монгольскими дополнениями даже стал эталоном героизма. Именно половецким аристократом в «боевом бюстгальтере», с колчаном, близким к монгольскому типу, и совершенно «археологическому» шлему монгольского типа с золотоордынским зубчатым верхним краем околыша предстает перед нами Святой воин на фреске начала XIV в. в церкви села Гвилети в северо-восточной горной Грузии (рис. 32) (Круглов, 1937. С. 248. Рис. 4). Вероятно, это связано с тем, что, как писал ибн ал-Асир, в горы, каковыми для юга Восточной Европы мог быть, скорее всего, именно Кавказ, бежала от монгольского погрома 1222–1223 гг. часть половцев. Надо полагать, что и во время нашествия во второй половине 30-х гг. XIII в., новые массы разгромленных половцев присоединились к беглецам от войск Субэдэя и Джэбэ. А о том, что среди беглецов, осевших в горах Кавказа, было много представителей военной знати, свидетельствуют многочисленные находки дисков от «боевых бюстгальтеров», найденных в Чечне и Ингушетии в захоронениях, совершенных по местному обряду (Нарожный, 2003. С. 247. Рис. 1; 2; 3, 1-3).

Столь же серьезную роль сыграли половцы в истории костюма. Их роскошные парадные кафтаны с отрезным сборчатым подолом послужили образцом для самого парадного монгольского кафтана, который монголы, несколько изменив запах на свой манер, сделали главным имперским чингизидским платьем (Рис. 33-35), распространив его как таковое по окружающим землям (Горелик, 2006). История этого одеяния чрезвычайно продуктивна и длительна (Горелик, 2009б; 2010а; 2010б).

Недавно мне пришлось писать, что монголы заимствовали этот изначально европейско-кавказский покрой, увидав в 1258 г. непосредственно безумную роскошь и импозантность одеяний хана Тигака, которые потом были погребены с их владельцем в Чингульском кургане (Горелик, 2009а. С. 167). Теперь же я полагаю, что знакомство монголов с парадными половецкими одеяниями, причем еще более роскошными, могло иметь место раньше – в 1222–1223 гг. Тогда полководцы Чингиз-хана Субэдэй и Джебе разгромили и убили самых великих половецких ханов – Юрия (Георгия) Кончаковича и Басты (наряду с другими ханами). Эти ханы были куда более могущественными и богатыми, нежели Тигака. И, соответственно, парадный их гардероб, захваченный монголами, мог быть великолепнее одеяний Тигака, поражающих нас своей роскошью.

Что же касается Кавказа, то половецкие кафтаны появляются на памятниках изобразительного искусства аула Кубачи – каменных архитектурных рельефах и рельефах на бронзовых котлах. Любопытно, что более ранние рельефы – первой половины XIV в. – несут изображение монгольского костюма (Рис. 36), что вполне понятно – монголы были хозяевами по обе стороны Кавказа. Но половецкие кафтаны изображены на персонажах рельефов – архитектурных (Рис. 37) и котельных, которые датируются, вероятнее всего, второй половиной XIV – началом XV в. Похоже, что роль половцев и, соответственно, престижность их одежды была достаточно высокой в отдельных местностях и в определенные отрезки времени, так что даже в Кубачи, где вообще никаких, судя по отсутствию сведений, половцев не было, а сами половцы забыли о том, что они половцы, а не монголы, их кафтаны еще напоминали о чем-то славном, но уже ушедшем.

ЛИТЕРАТУРА

Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1327 год / Перевод Ф.К. Бруна, издание, редакция и примечания З.М. Бунятова. Баку: Элм, 1984. 86 с.

Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. Средневековые рыцари Кубани // МИАК. Вып. 3. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2003. С.184-208.

Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163-208.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. (воинское искусство, вооружение, снаряжение). М.: «Техника-молодежи», 2002. 84 с.

Горелик М.В. Шлемы и фальшионы: два аспекта взаимовлияния монгольского и европейского оружейного дела // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк: Изд-во ДонГУ, 2003. С.231-244.

Горелик М.В. Халха-калкан (монгольский щит и его дериваты) // Восток-Запад: диалог культур Евразии. Вып. 4. Культурные традиции Евразии. Казань: 2004а. С.182-195.

Горелик М.В. Адыги в Южном Поднепровье (вторая половина XIII - первая половина XIV в. // МИАСК. Вып. 3. Армавир: РИЦ АГПА, 2004б. С.293-300.

Горелик М.В. Монголы между Европой и Азией // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик, 2006. С64-66.

Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник Института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. 2008а. Вып. 15. С.158-189.

Горелик М.В. Золотоордынские латники Прикубанья // МИАСК. Вып. 9. Армавир: РИЦ АГПА, 2008б. С.139-159.

Горелик М.В. Погребение знатного половца – золотоордынского латника // МИАСК. Вып. 10. Армавир; РИЦ АГПА, 2009а. С.305-306.

Горелик М.В. Мужской костюм на Северном Кавказе XIII–XIV вв. (по изобразительным источникам) // Наследие Ислама в музеях России. Изучение, атрибуция, интерпретация. Материалы научно-практической конференции 2009 г. Казань, 2010а

Горелик М.В. История одного евразийского одеяния // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2010б. № 1. С.80-87.

Горелик М.В., Дорофеев В.В. Погребение золотоордынского воина у с. Таборовка // Проблемы военной истории Востока. Вып. II. Л.: ЛО ИВ РАН, 1990. С.119-132.

Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир; М.: РИЦ АГПА, 2011. 266 с.

Ёлкина А.К. Текстильные находки в погребении кочевника у х. Ажинов Ростовской обл. // МИАСК. Вып. 10. Армавир: РИЦ АГПА, 2009. С.181-193.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей от древности к Новому времени. СПб: Петербургское Востоковедение, 2009: 3-е изд., исправл. и доп. 432 с.

Костюков В.П. Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Наука, 2006. С.199-237.

Круглов А.П. Археологические работы на реке Терек // СА. 1937. № 3. С.245-251.

Мошкова М.Г., Максименко В.Е. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники нижнего Подонья. Т. II. М.: Наука, 1974. С.5-80.

Нарожный Е.И. О половецких изваяниях и святилищах XIII–XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк: Изд-во ДонГУ, 2003. С.245-274.

Отрощенко В.В., Рассемакин Ю.Я. Половецкий комплекс Чингульского кургану // Археология. 1986. № 53. С.14-36.

Парусимов И.Н. Воинские позднекочевнические погребения с левобережья и дельты Дона // Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II. Средневековые древности Дона. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2007. С.312-324.

Спицын А.А. Кочевнический курган близ г. Юрьева Польского // ИАК. 1905. Вып. 15. С.78-83.

Табалдиев К., Жолдашов Ч. Позднесредневековые курганы Тянь-Шаня в свете новых исследований // Археология евразийских степей. Вып. 1. Средневековая археология евразийских степей. Материалы учредительного съезда Международного конгресса. Т. 1. Казань: 2007. С.213-223.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Погребение кочевника XIII – 1-й пол. XIV вв. у села Лосево в степном Прикубанье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. Золотоордынское время. Донецк: ДонГУ, 2010. С.425-436.

Evdokimov G. «...sing ihm doch polovzische Lieder» (Nestor-Chronik) // Gold der Steppe. Archaeologie der Ukraine. Schleswig, 1991. S.281-284.

Gawrysiak-Leszczynska W., Musianowicz K. Kurhan z Tahanczy // Archeologia polski. 2002. Т. 47. S. 287–340.

Kalmar J. Regi Magyarfegyverek. Budapest, 1971. 430 S.

Mayer L.A. Saracenic Heraldry. Oxford, 1999. P.378.

THE POLOVTSIAN NOBILITY ON A MILITARY SERVICE IN THE GOLDEN HORDE

M.V. Gorelik

Russia, Moscow, Institute of oriental studies RAN

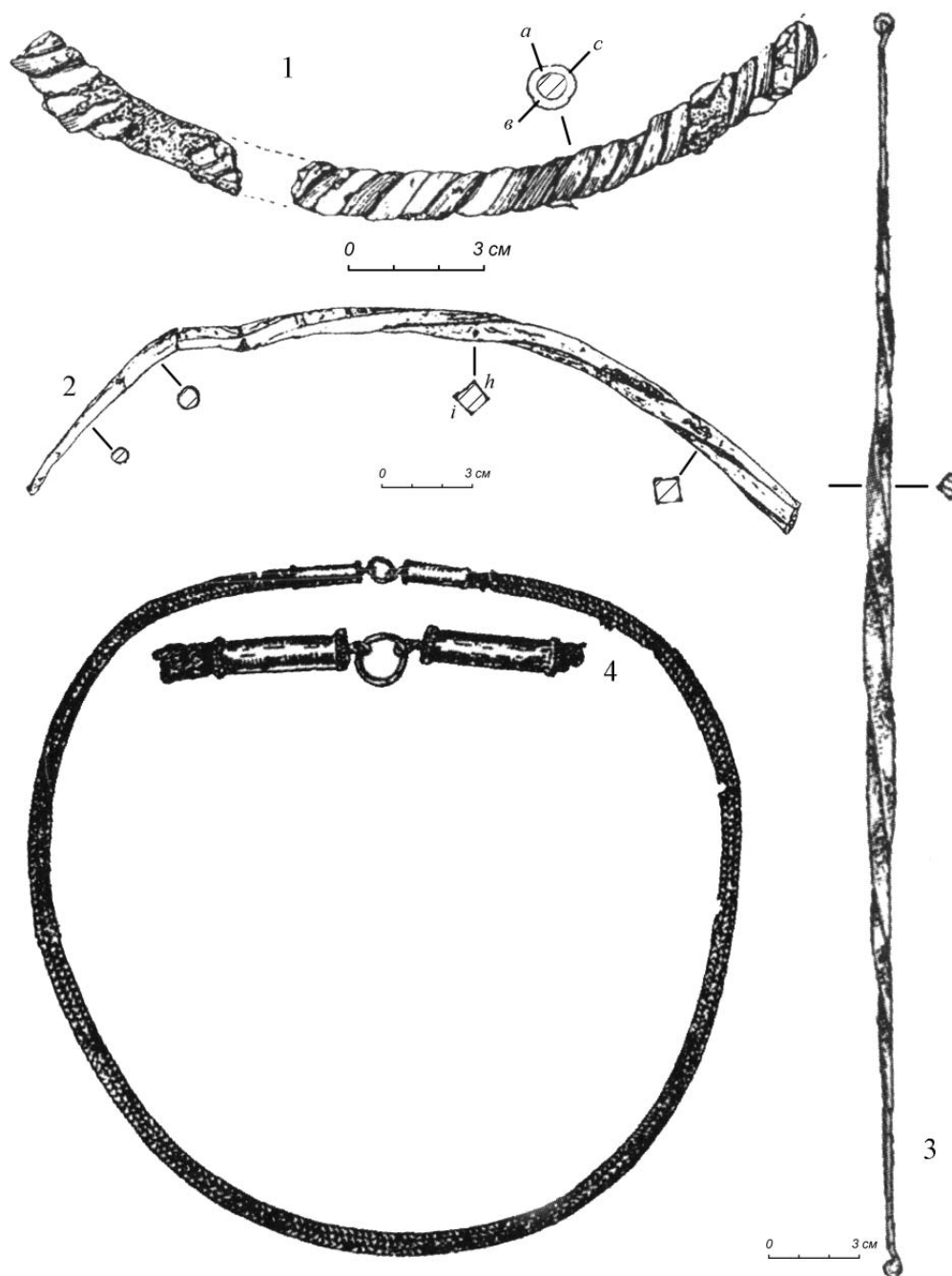

Рис. 1. Статусные швейные украшения из ханских погребений в Таганче (1-2) и Чингуле (3-4): 1 – гривна, железный прут, обвитый золотой проволокой; 2 – гривна, железный пркт, обвитый золоченым серебром; 3 – серебряный золоченый «скипетр» из распрямленной гривны; 4 – золотая цепь.

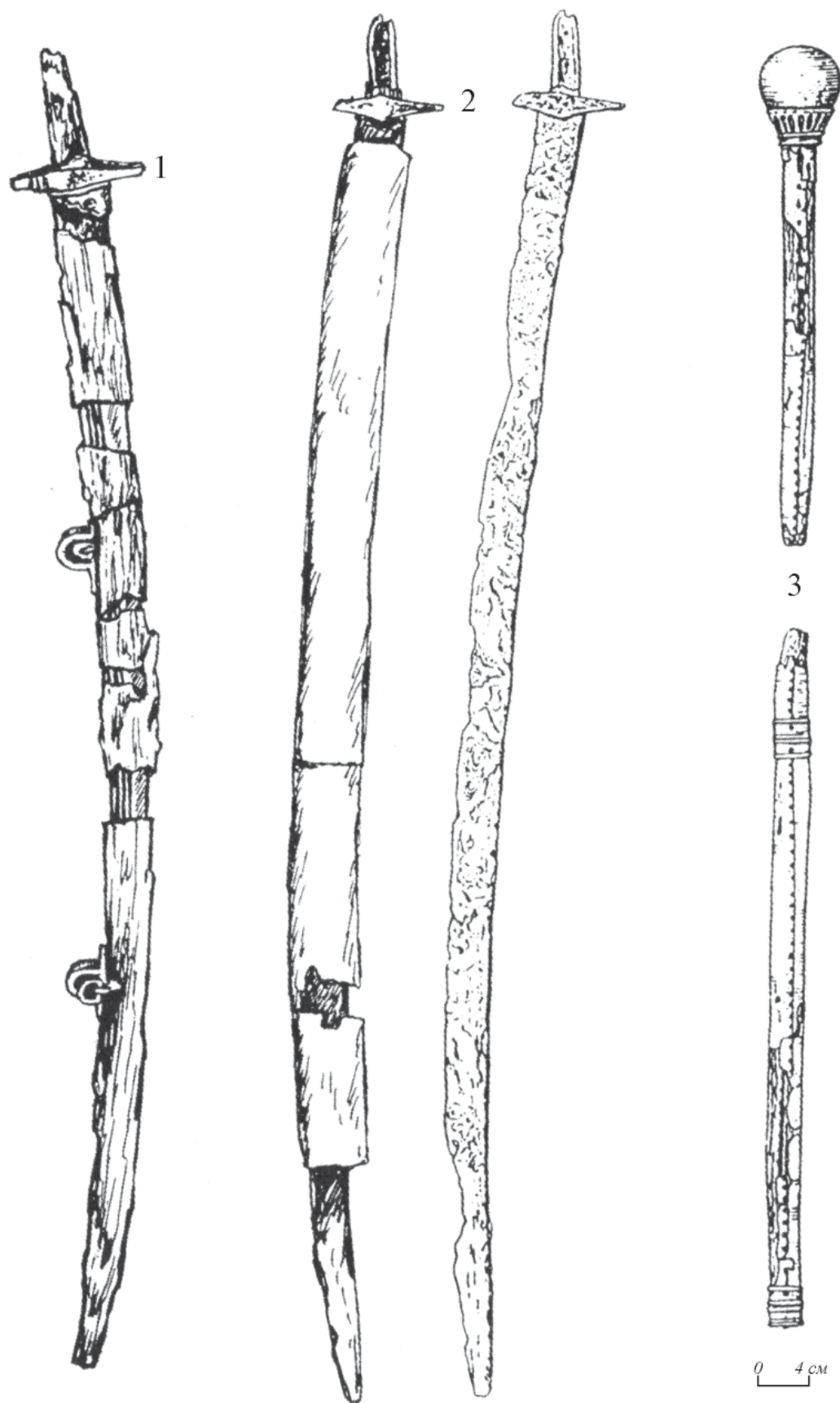

Рис. 2. Оружие из ханских погребений в Чингуле (1) и Таганче (2-3): 1 – сабля железная с серебряной фурнитурой; 2 – сабля железная в обтянутых серебром ножнах; 3 – скипетр) (балава, дерево, обтянутое серебром).

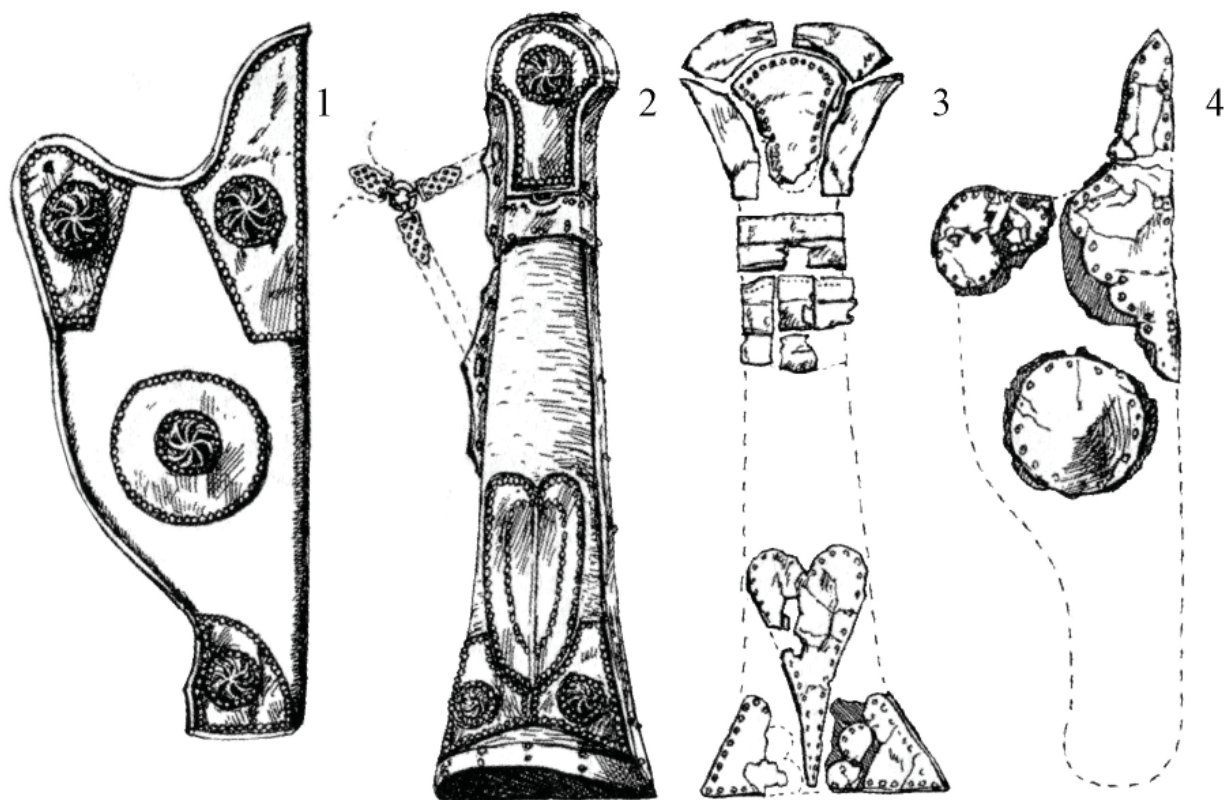

Рис. 3. Саадаки из ханских погребений в Чингуле (1-2) и Таганче (3-4): 1 – налуч, оковки из золоченого серебра; 2 – колчан, оковки и фурнитура из золоченого серебра; 3 – колчан, оковки бронзовые, обтянутые серебром; 4 – налуч, оковки бронзовые, обтянутые серебром. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика, 1999 г.

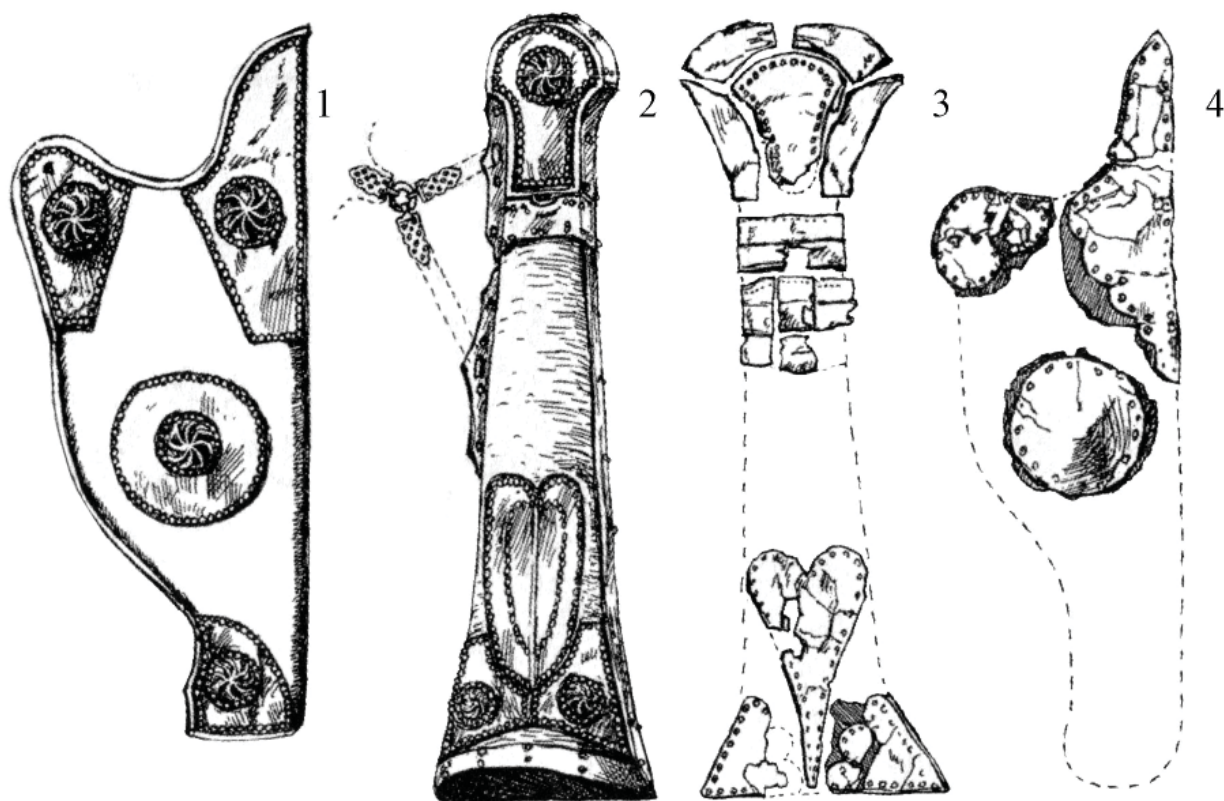

Рис. 4. Железные кольчуги из ханских погребений в Чингуле (1) и Таганче (2).

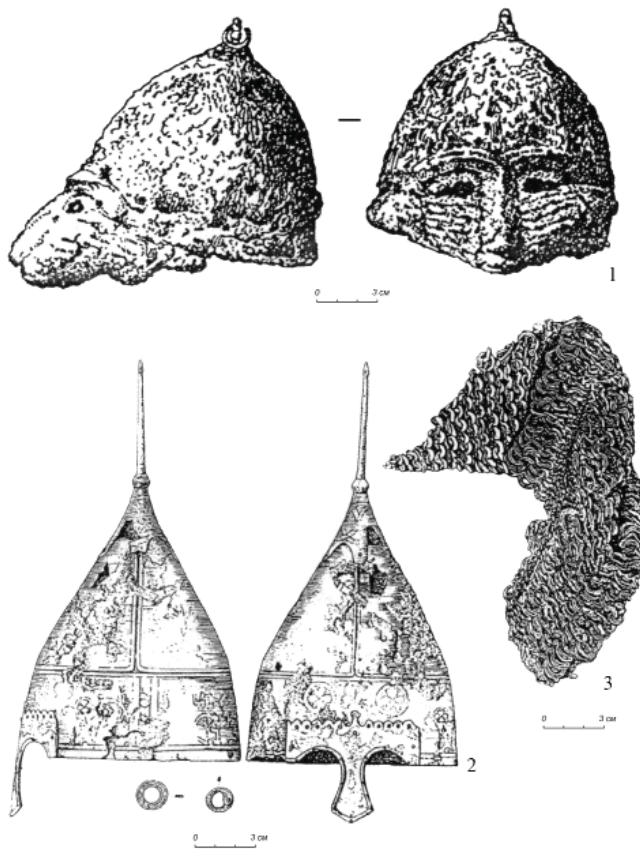

Рис.5. Шлемы и мисюрка из ханских погребений в Чингуле (1) и Таганче (2-3): 1 – железо, наголовье оютянуто золотом; 2 – железо, таушировка золотом; 3 – мисюрка из железных колец двух разновидностей.

Рис.6. Половецкий хан сер. XIII в. (Тигак?), похороненный в Чингульском кургане, верхом, в полном вооружении. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 1999 г.

Рис.7. Половецкий хан сер. XIII в. (Ульдамур?), похороненный в Чингульском кургане, верхом, в полном вооружении. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 1999 г.

Рис.8. Половецкий хан сер. XIII в. (Тигак?), похороненный в Чингульском кургане, в самом торжественном (первом) одеянии: 1 – распашном кафтани малинового шелка, с отрезным соборенным подолом, с вышитым золотом ликом Христа, фигурами архангелов и донаторов, золотыми орнаментальными аппликациями, парчовыми обшивками, расшивкой жемчугом и серебряными золочеными бляшками, серебряными пластинками с вставками цветных камней, с оторочкой соболем; 2 – шапке с околышем, обшитым серебряными пластинками с вставками цветных камней; 3 – лоре из златотканой ленты на шелковой узорной подкладке. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 2008 г.

Рис.9. Половецкий хан сер. XIII в. (Тигак?), похороненный в Чингульском кургане, в самом торжественном (втором) одеянии – распашном кафтане алого шелка, с отрезным соборным подолом, с вставками синего шелка с вытканными золотом ангельскими ликами, златоткаными обшивками, окантовками из серебряных пластинок с вставками цветных камней, с оторочкой мехом колонка; вариант шапки – остроконечная смушковая кума. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 1999 г.

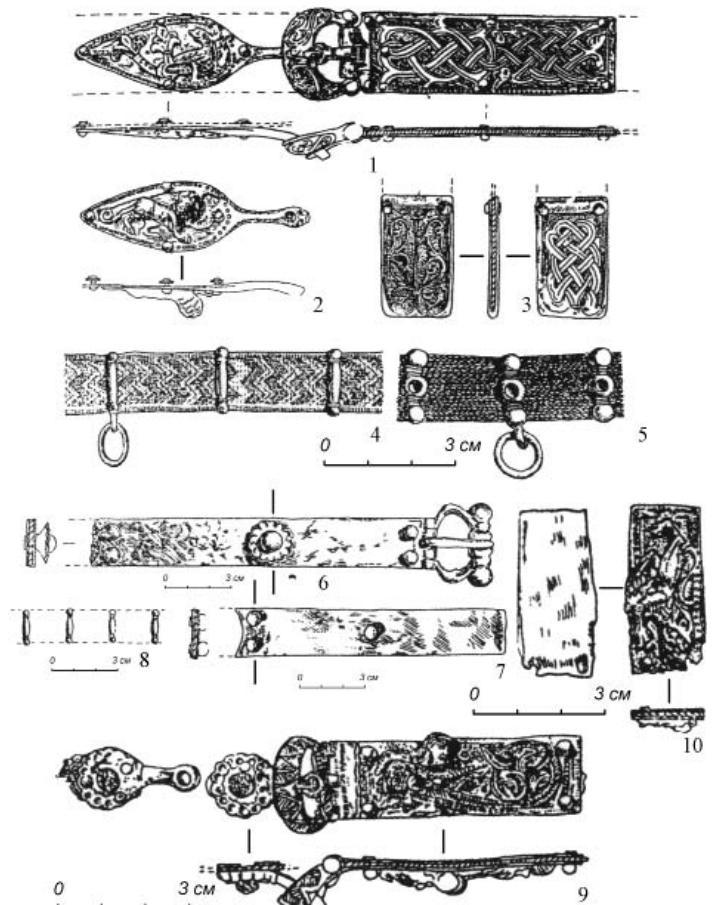

Рис. 10. Парадные европейские пояса из Чингульского кургана из шелковых лент с серебряной фурнитурой: 1-5 – первый «романский» пояс (пластинки 1, 3 – может быть, русской работы); 6-8 – «готический» пояс; 9-10 – второй «романский» пояс.

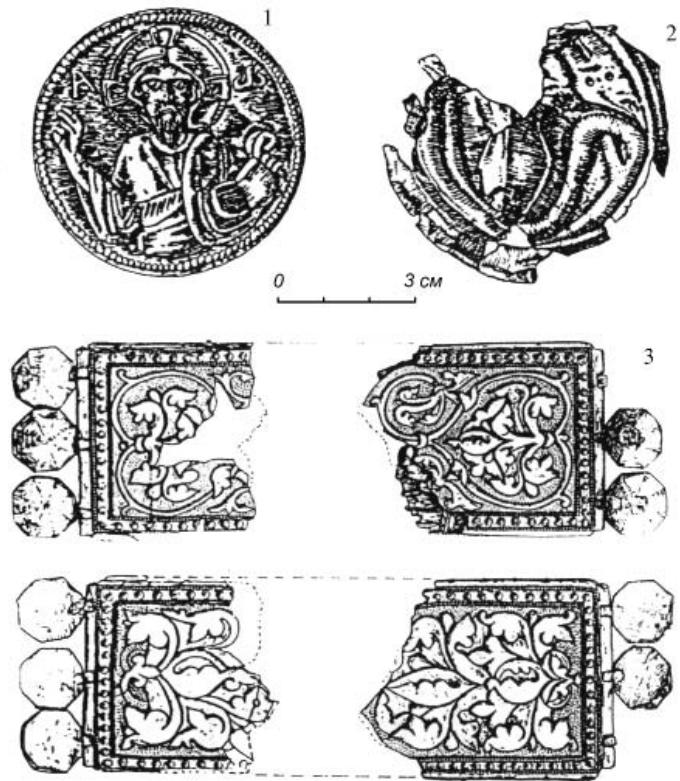

Рис. 11. Украшения из Таганчинского кургана: 1-2 – бармы (1 – золоченое серебро, византийская работа, 2 – золоченая бронза, половецкая работа); 3 – аграф двусторонний византийской работы, основа деревянная, покрытая бронзовым листом, обтянутым золоченым серебром.

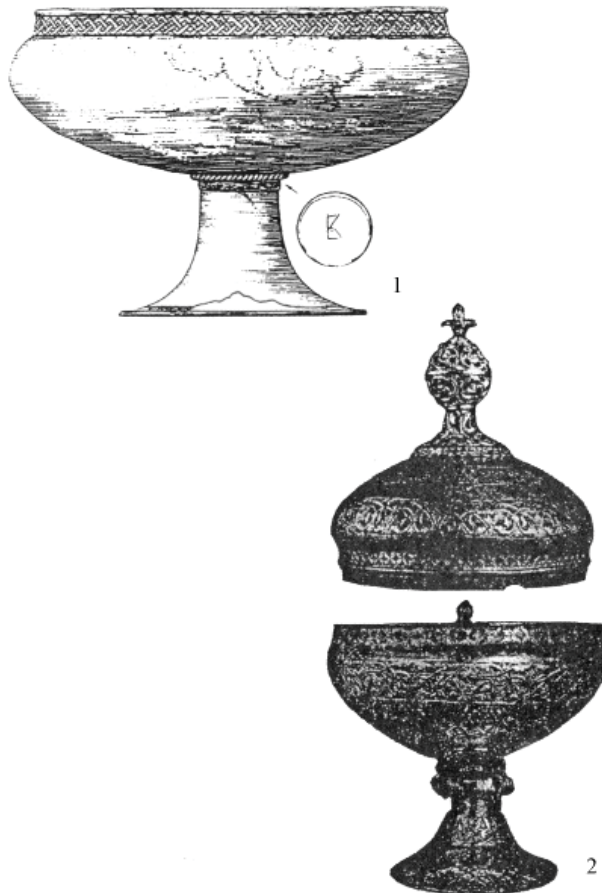
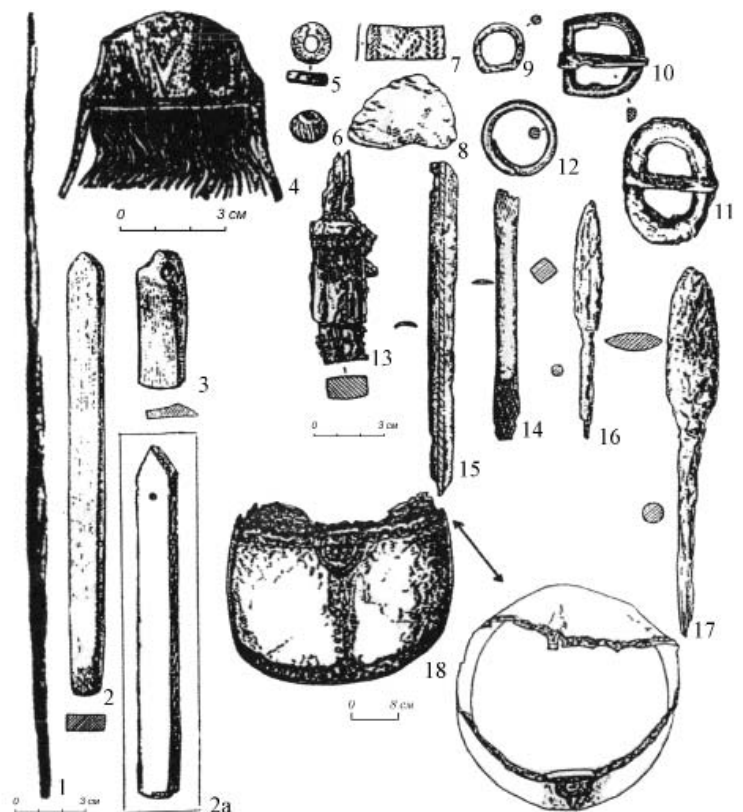

Рис. 12. Серебряные, с частичной позолотой, церковные католические сосуды из Таганчи, с сигнатурой В (1) и Чингула (2). Лотарингия. Конец XII – первая треть XIII в.

Рис.13. Половецкий бек сер. XIII в из погребения 3 кургана 1 у хутора Ажинов в полном вооружении. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 2005 г.

Рис. 14. Инвентарь погребения 3 кургана 1 у хутора Ажинов (по М.Г. Машковой и В.Е. Максименко): 1 – серебряный “жезл” – распрямленная гривна; 2 – каменный оселок-полуфабрикат; 2а – каменные оселок из кургана 1 Белореченского могильника. Прикубанье XIV в. ГИМ; 3 – каменный оселок; 4 – деревянный гребень; 5-6 – костяные пуговицы; 7-8 – золотые листки-пластинки (имитации колец на пальцах?); 9-10 – бронзовые пряжки; 11 – железная пряжка; 12 – золотая серьга; 13 – железный напильник в деревянных ножнах; 14 – центральная костяная накладка лука; 15 – костяная гравированная накладка на колчан; 16-17 – железные наконечники стрел; 18 – бронзовый (латунный) котел с железным бортиком и дужкой.

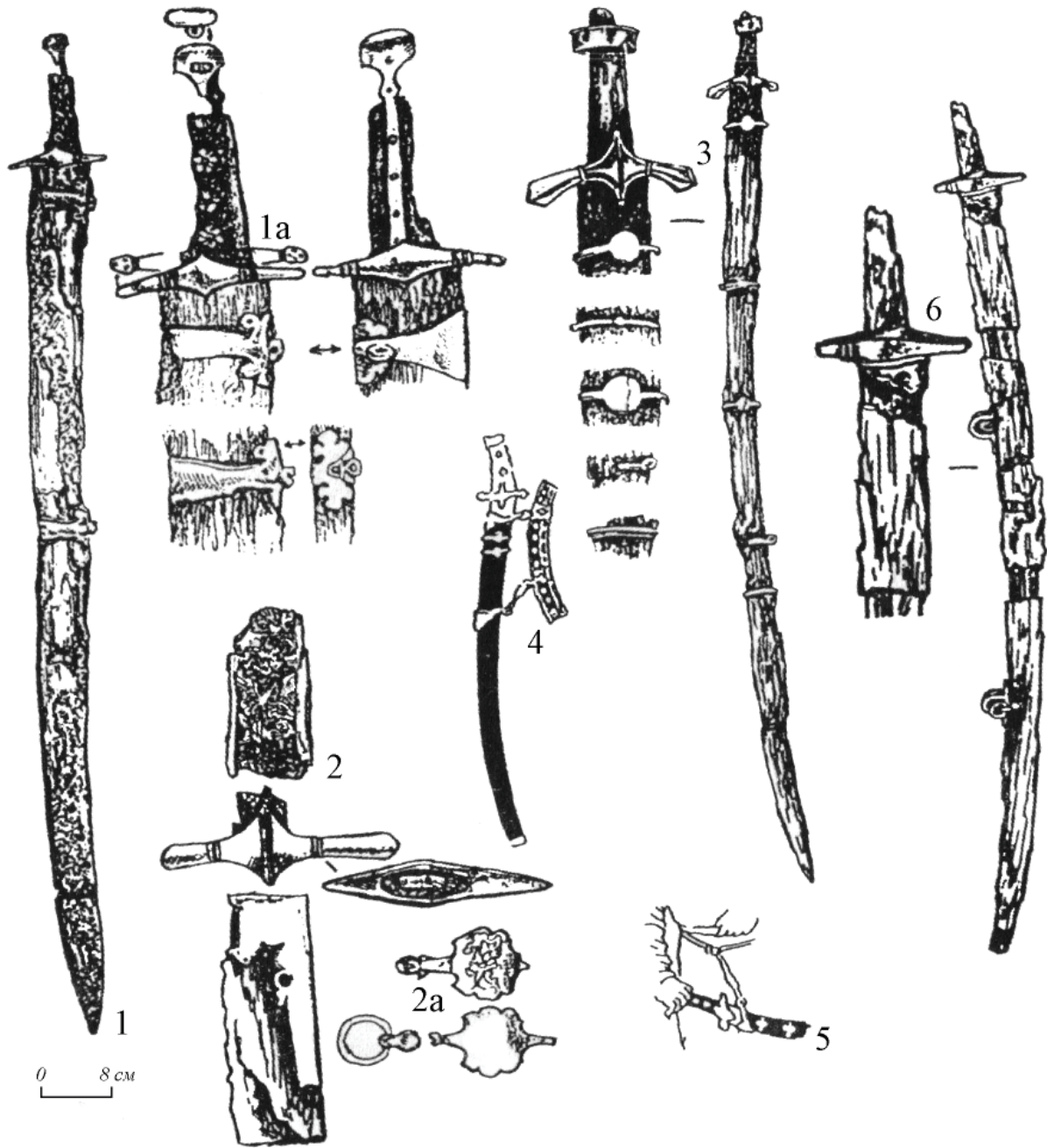

Рис. 15. Палаш (или сабля?) из погребения 3 кургана 1 у хутора Ажинов и его аналогии: 1 – сабля (паоаш) из погребения 3 кургана 1 у хутора Ажинов; 1а – серебряная фурнитура клинка из погребения у хутора уАжинов; 2, 2а – серебряная фурнитура и костяная резьба щечек рукояти палаша из главного погребения Новопавловского могильника. Ставрополье. Середина - вторая половина XIII в. Ставропольский объединенный краеведческий музей-заповедник; 3 – сабля в серебряной фурнитуре из кургана 1 Белореченского могильника. Прикубанье. 30-е гг. XIV в. ГИМ; 4-5 – изображения сабель на миниатюрах «Демоттовской» рукописи поэмы Фирдоуси «Шах-наме». Тебриз. 30-е гг. XIV в.; 6- сабля из Чингульского кургана. Середина XIII в. Археологической музей НАН Украины (г. Киев)

Рис.16. Половецкий бек сер. XIII в. из погребения 3 кургана 1 у хутора Ажинов в парадном одеянии. Реконструкция А.К. Ёлкиной, реконструкция общего вида и рисунок М.В. Горелика. 2006 г.

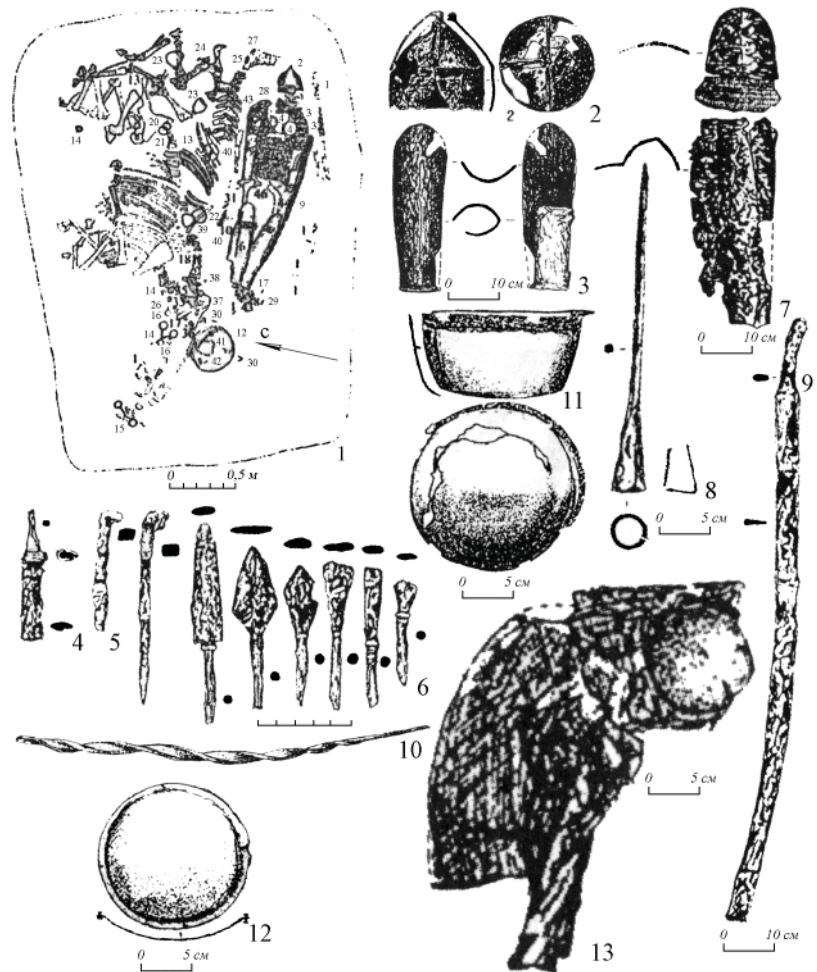

Рис. 17. Инвентарь погребения 2 кургана 1 могильника Дмитриевская-1 (по В.Г. Блохину, А.Н. Дьяченко, А.С. Скрипкину): 1 – план погребения; 2 – шлем с кожаной лентой, покрытой окислами (лента утрачена); 3 – наруч; 4 – нож; 5 – костыли; 6 – наконечники стрел; 7 – поножь; 8 – наконечник копья; 9 – клинок сабли; 10 – гривна «скипетр»; 11 – котел; 12 – один из дисков «боевого бюстгальтера»; 13 – наспинная часть кольчуги с приклепанным третьим наспинным диском «боевого бюстгальтера».

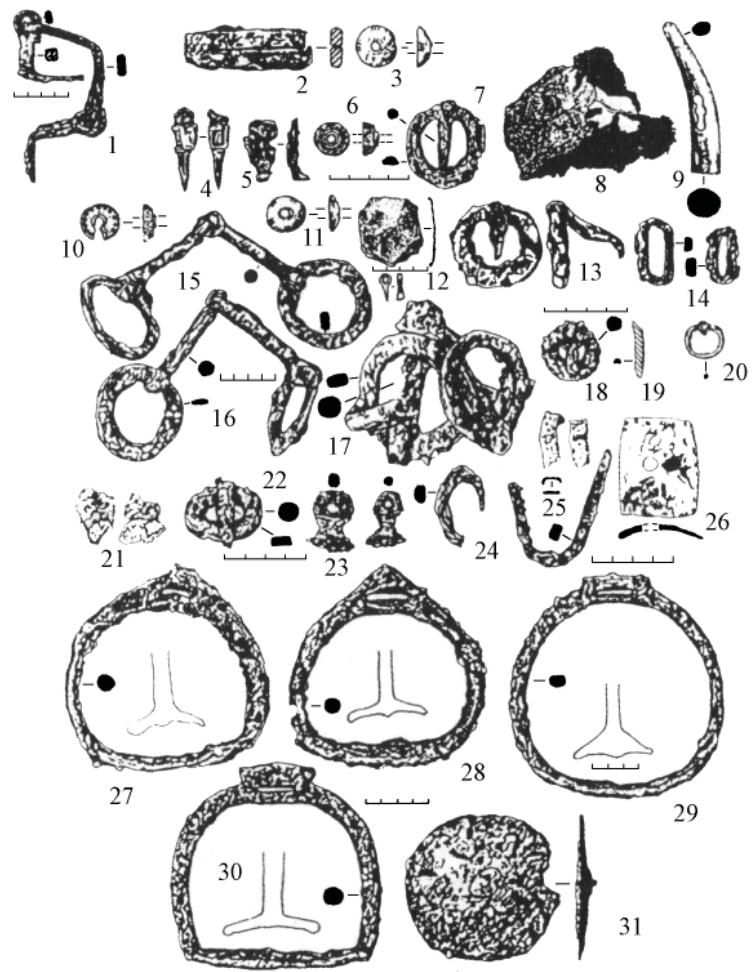

Рис. 18. Инвентарь погребения 2 кургана 1 могильника Дмитриевская-1 (по В.Г. Блохину, А.Н. Дьяченко, А.С. Скрипкину): 1 – деталь подвески колчана; 2 – портупейная накладка; 3, 6, 10, 11 – пуговицы; 4, 12, 21 – неопределенные предметы; 5 – пластинка с крюком – застежка саачного ремня-портупей; 7, 13, 18, 22 – пряжки; 8 – остаток ткани; 9 - рог для развязывания узлов; 14, 24 – ременные пронызы; 15, 17 – удила; 23, 25 – накладки на колчан (?); 26 – костяная пластинка, деталь науза; 27 – 30 – стремяна; 31- умбон щита.

Рис. 19. Половецкий бек первой трети XIV в. из погребения 2 кургана 1 могильника Дмитриевская -1. в парадном одеянии. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 2004 г.

Рис. 20. Половецкий бек второй половины XIII - начала XIV в. из погребения 1 кургана 2 могильника у с. Лосево. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 2009 г.

Рис. 21. Половецкий бек сер. XIII из погребения 1 кургана 2 могильника Южный. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 2004 г.

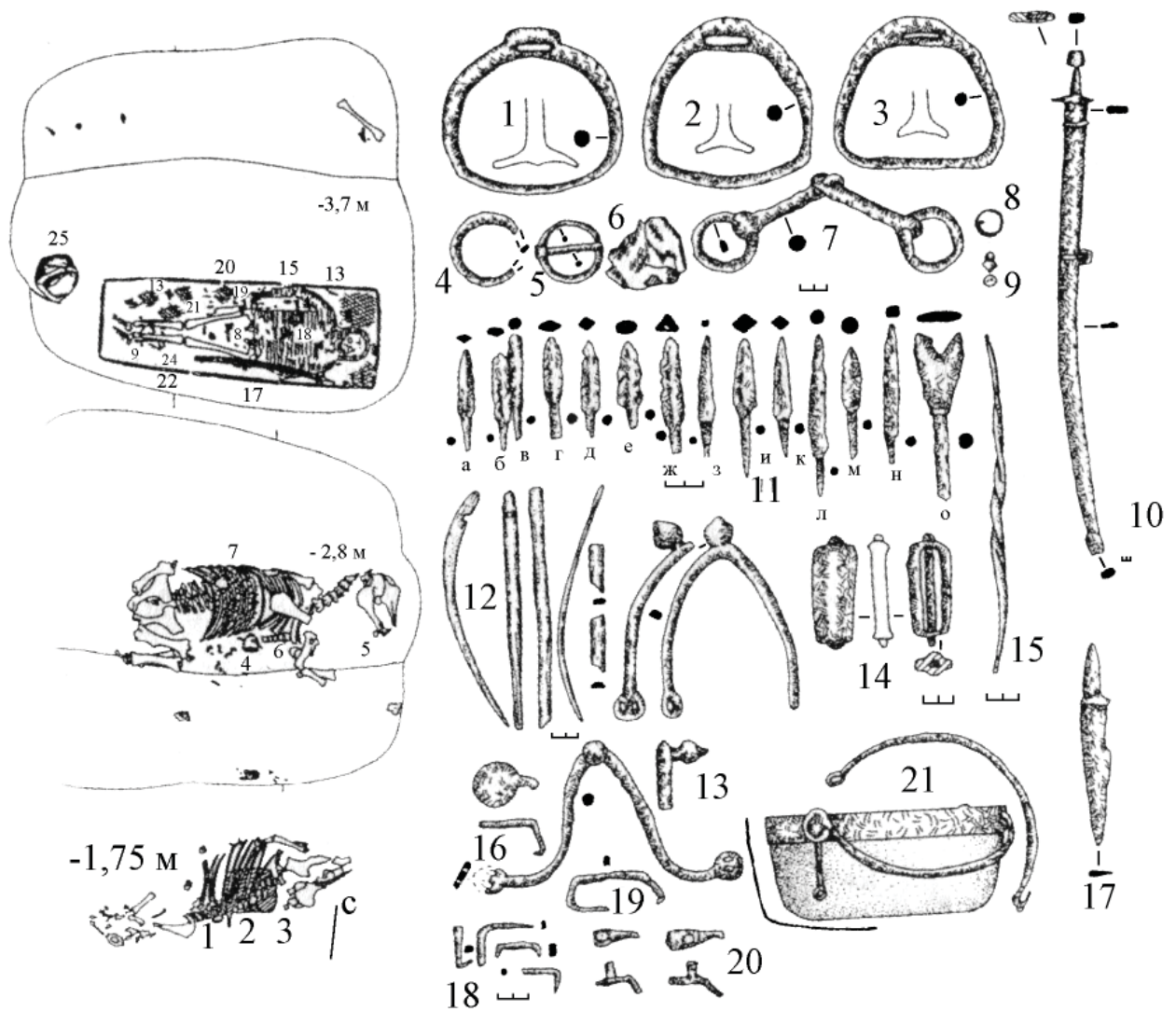

Рис.22. Инвентарь погребения 1 кургана 2 могильника Южный (по В.Г. Блохину, А.Н. Дьяченко, А.С. Скрипкину): слева – планы погребения человека и лошадей; справа: 1 – 3 – стремена; 2 – портупейная накладка; 4 – кольца; 5 – пряжка; 6 – остаток органики; 7 – удила; 8-9 – пуговицы; 10 - сабля; 11 – наконечники стрел; 12– костяные накладки на лук; 15 – гривна-«скипетр»; 16, 18 – 20 – детали колчана; 17 – нож; 21- котел.

Рис. 23. Половецкий батыр конца XIII - первой трети XIV в. из погребения 5 кургана 1 («Приверха могила») у с. Таборовка. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 1993 г.

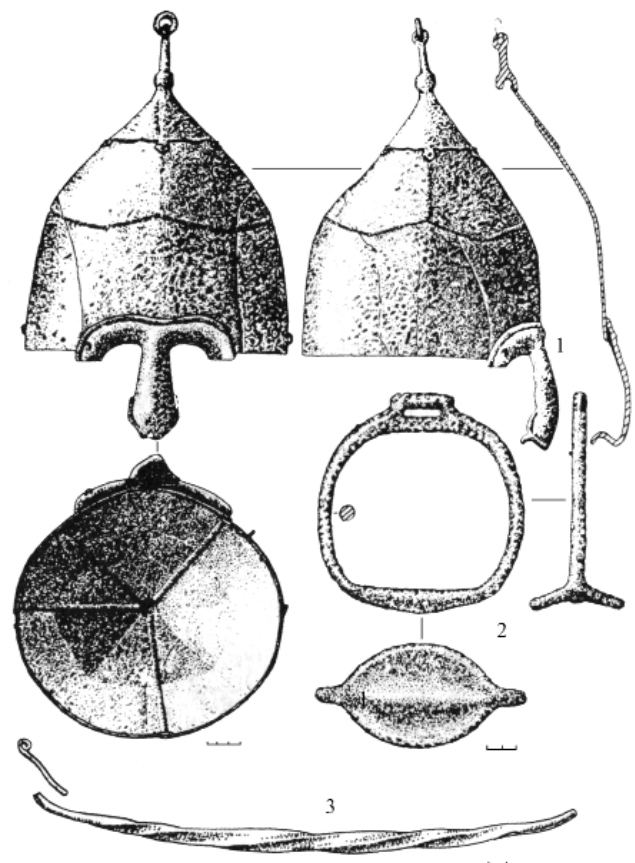

Рис.24. Инвентарь погребения 5 кургана 1 у с. Таборовка (по М.В. Горелику и В.В. Дорофееву): 1 – шлем; 2 – стремя; 3 – гривна-«скипетр».

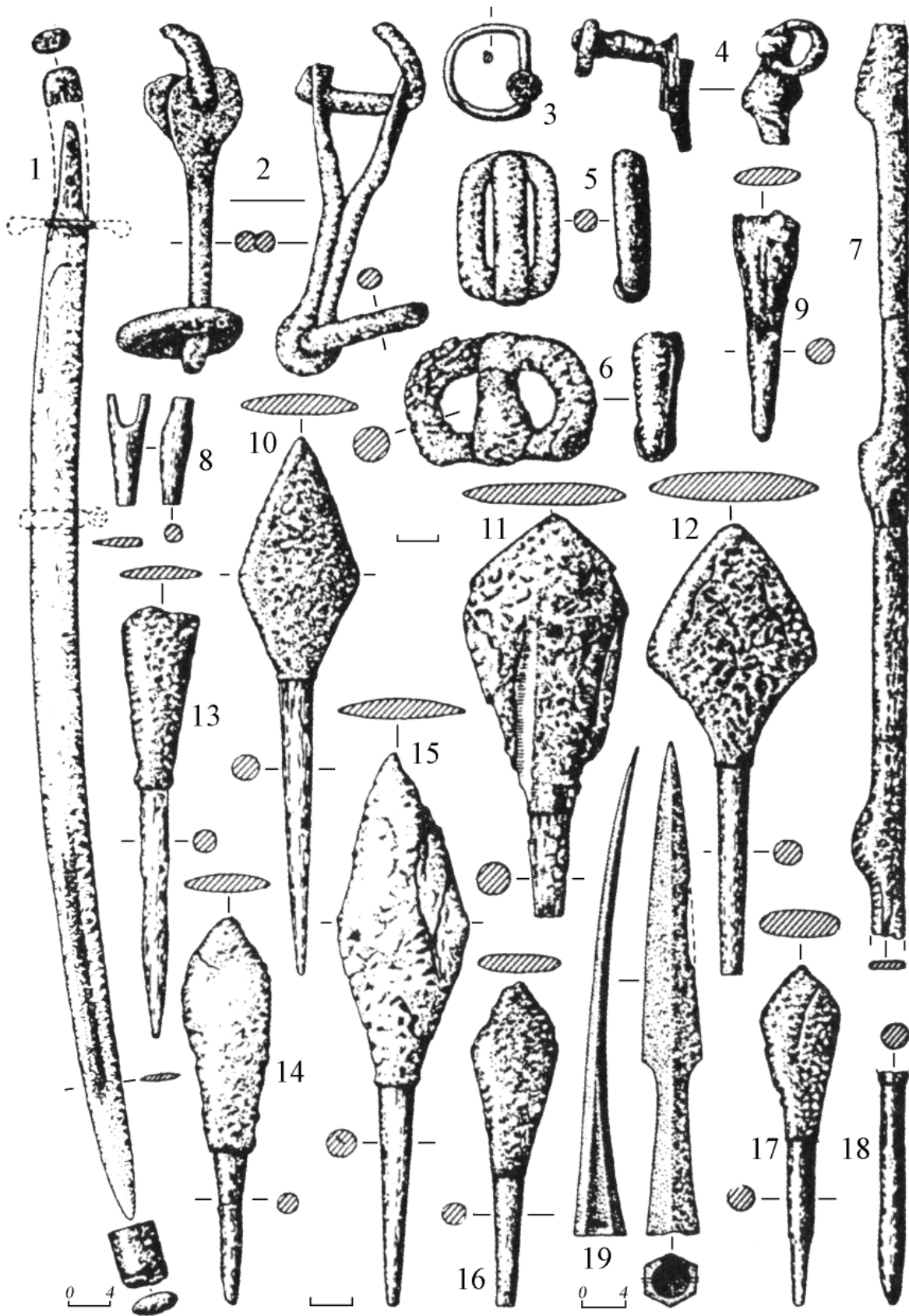

Рис. 25. Инвентарь погребения 5 кургана 1 у с. Таборовка (по М.В. Горелику и В.В. Дорофееву): 1 – сабля; 2 – удила; 3-4,7 – детали колчана; 5 – пронизь пояса-портупей; 6 – пряжка; 8 – ушко стрелы; 9-17 – наконечники стрел; 18 – черен наконечника стрелы; 19 – наконечник копья.

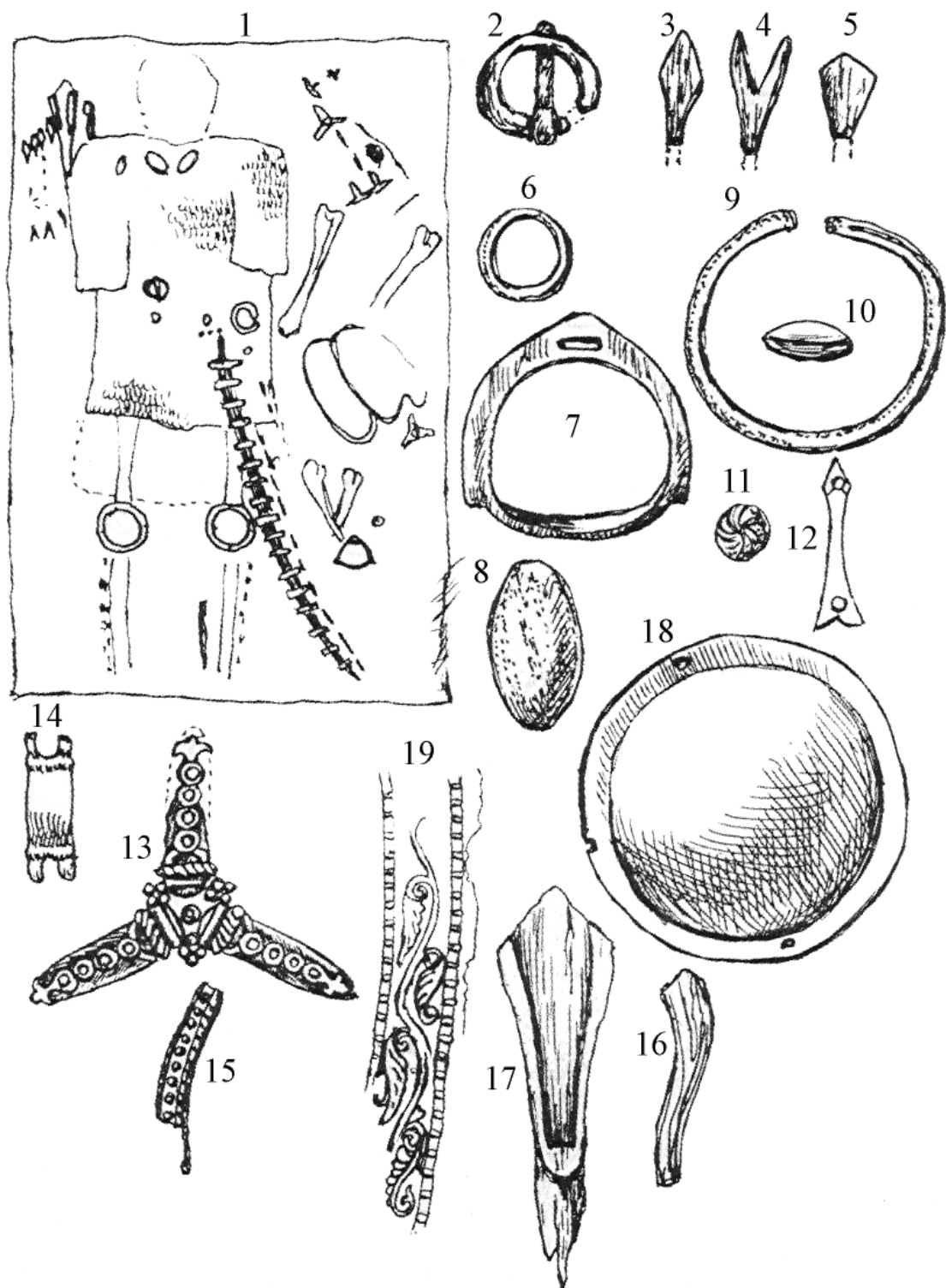

Рис. 26 . Инвентарь погребения воина-кочевника у г. Юрьев Польский (по А.А. Спицыну): 1 – план погребения; 2 – пряжка; 3-5 – наконечники стрел; 6 – золотая серьга; 7 – стремя; 8 – ониксовая бусина; 9 – золото браслет; 10 – хрусталь, оправленный в серебро; 11 – золоченая бронзовая поясная бляшка; 12 – бронзовая ременная накладка; 13 – деталь-накладка узды и сбруи . бронза, золоченое серебро; 14 – ременная накладка; 15 – серебряный конт концов полков седла; 16 – деталь лука; 17 – гриф музыкального инструмента, дерево; 18 – серебряный диск «боевого бюстгалтера»; 19 – серебряный кант, лук седла.

Рис.27. . Половецкий батыр сер. XIII в. из погребения у г. Юрьев Польский. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 1989 г.

Рис. 28. Половецкий батыр конца XIII - первой трети XIV в. из погребения 1 кургана 3 могильника Маяк II. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 1999 г.

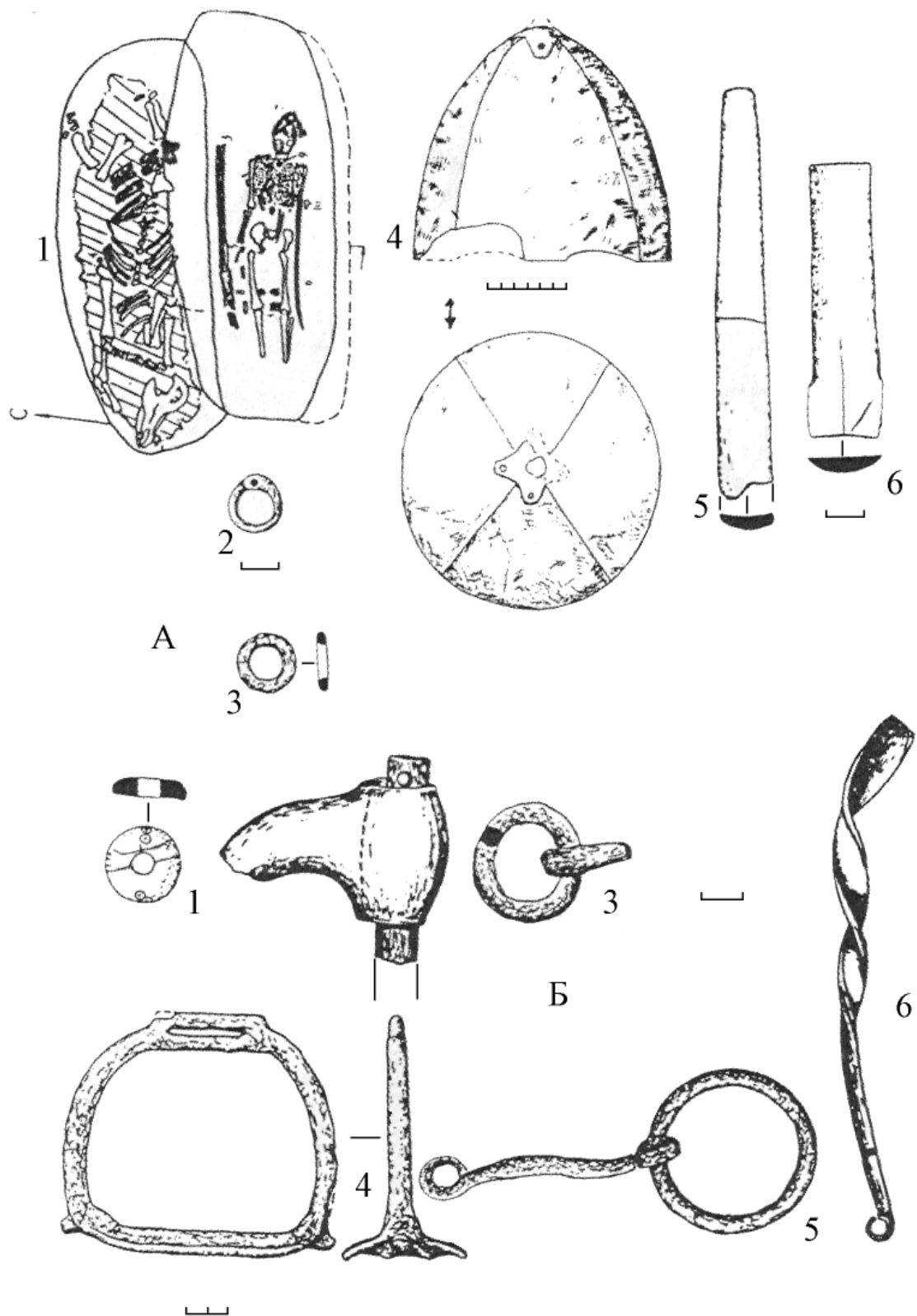

Рис. 29. Инвентарь погребения 1 кургана 3 могильника Маяк II. (по И.Н. Парусимову) А : 1 – план погребения; 2 – клепаное кольцо кольчуги; 3 – паяное кольцо кольчуги; Б: 1 – костяная пуговица; 2 – роговая накладка лука; 6 – костяная пуговица; 3 – пряжка; 14 – стремя; 5 – звено удил; 6 – серебряная гривна-«скипетр».

Рис. 30. . Половецкий батыр второй половины XIII - первой трети XIV в. из погребения 3 кургана 4 могильника Старонижестеблиевский. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 2008 г.

Рис. 31. Половецкая знать – венгерское дворянство второй половины - первой трети XIV в.: 1 – по материалам погребения в кургане в Чолюшпушта (защитное вооружение, пояс), погребения в кургане в Тинод (сабля) и стенописи в церкви с. Велка Ломница, Словакия (колчан); 2 – по материалам депаспортизованного курганное погребения из Венгерского национального музея, Будапешт. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 1995 г.

Рис. 32. Св. воин, деталь стенописи церкви в с. Гвилети. Северо-восточная Грузия. Первая треть XIV в.

Рис. 33. Монгольские имперские парадные халаты с отрезным сборчатым подолом. С территории Центрального Улус (империи Юань), XIII - XIV вв.: 1 - детский халатик из погребения мальчика – чингизида в Прибайкалье, XIII в.; 2-3 – из погребения юаньской знати на территории КНР.

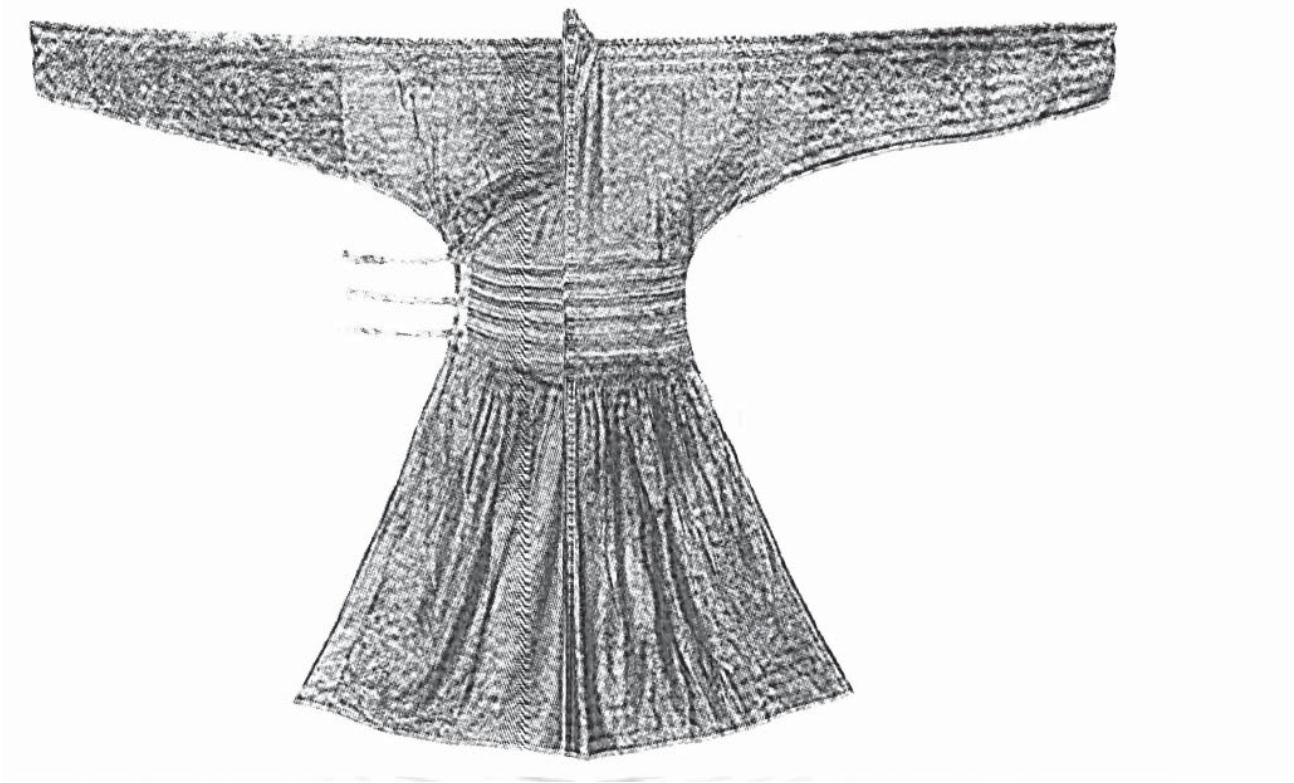

Рис. 34. Монольский имперский парадный халат с отрезным соборенным подолом из золотой шелковой парчи уйгурской центральноазиатской работы, с территории КНР. XIII - XIV вв. Музей исламского искусства. Доха, Катар.

Рис. 35. Знатный монгол XIII - XIV вв. в парадном одеянии. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 1997.

Рис. 36. Кубачинские рельефы на каменных тимпанах двустворчатых окон с изображениями всадников в монгольских костюмах и вооружении. Первая половина - середина XIV в.: 1 – Музей Метрополитен, Нью-Йорк; 2 – Дагестанский государственный объединенный музей, Махачкала (прорисовка по М.М. Мамаеву).

Рис. 37. Кубачинские каменные рельефы с изображением персонажей в половецких костюмах и с золотоордынским оружием. Вторая половина XIV в. Государственный Эрмитаж (прорисовка по М.М. Мамаеву).